

Комсорг
Аша
Бурневская:
**ЛЕНИНСКИЙ
ЗАЧЕТ У НАС
НА КОМБИНАТЕ**

№ 5 МАРТ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОГОНЬ

ПРОВОДА

Галина РЕЖАБЕК

РАСПОРЯЖЕНИЕ

главного инженера завода

от 25 ноября 1969 г.

Подготовленных в цехе № 24 подростков направить в следующие цехи: цех 11 — 2 человека, цех 15 — 4 человека, цех 21 — 6 человек, цех 25 — 5 человек, цех 29 — 6 человек, цех 22 — 1 человек, цех 18 — 1 человек, цех 2 — 1 человек.

Начальникам вышеуказанных цехов выделить молодым рабочим постоянные рабочие места, обеспечить работой, инструментом и простыми техническими инструментами по технике безопасности. Оплату рабочих производить за выполненную работу и принятую ОТК.

Главный инженер завода

(Робустов).

Распоряжение лежит на столе у Сергея Максимова, и я бескомпромиссно отмечаю в списке нет шестого цеха. Буквально двадцать минут назад я разговаривала с комсоргом этого цеха. Разговор был необязательный, случайно дорожный, а сказала, что это интересно с работой подростков, не рассказав ли он мне чего-то своему цеху.

Комсорг шутило развел руками, мол, спросите что-нибудь другое, а потом уже серьезно сказал: «Мы их не берем. Предпочитаю тех, кто уже прошел армию.» И пояснил: «Невыгодно это: взять, обучить, возить, а потом с почетом проводить. Не все же возвращаются.» Тогда я сказала, что ему здорово повезло: нет у него на плечах ноши, которую несут комсорги других цехов. Невольно, но в моем голосе прозвучало осуждение, что он вроде не как все. Он это почувствовал и сказал, что разве он решит, кого брать, а кого не брать. Конечно, завод старается распределять равномерно, но в конечном счете все зависит от начальника цеха.

И вот теперь я смотрю на распоряжение и не вижу шестого цеха... — Невозможно, спрашиваю Сергея Максимова, начальника учебного цеха оружейного завода — брать этих питомцев?

— Знаете, — отвечает он, — мы сейчас можем сесть и как дважды два доказать, что вообще подростков брать на завод нецелесообразно, а често и бесперспективно... Это будет суровая, убийственная арифметика, и она может принести кому-то по душе. Но мы можем сделать и другое. Той же арифметикой убедить, что не брать подростков на завод — это себе дороже. Мы обязаны их брать и возить, даже не только потому, что заводу нужна рабочая сила, а и потому, что мальчишки и девчонки, шатающиеся здесь дела после восьмого, после десятого класса, — это такая бездна неистраченных возможностей и способностей, что не попробуй помочь им реализовать так, как это надо и разумно, они сделают все на свой страх и риск, в силу собственного разумения или неразумия. Поэтому, когда мы берем на себя и хлопоты по подготовке специалиста, нужного нам, мы обязательно берем на свои плечи и куда менее благодарную задачу — формирование личности. В сущности, мы заделаем злусущности в воспитании, полученные подростком зародки до прихода на завод. И начальнику цеха, у которого производство, план, эта воспитательная задача ну прямо поперек горла стоит. Вот и избегают ее некоторые. Был у меня такой случай. Ушел начальник цеха подростка, уволия вопреки существующему положению — создавать для них все условия для работы. Пришел я к нему объясняться. Да разве объясняться? Сшиблись мы с ним — лоб в лоб.

— Как же, мол, у тебя рука-то поднялась! — спрашиваю.

— А ты не горчишь, — он мне — Я на место такого подполченного хорошего специалиста поставил. Он мне 150 штук дает, а твой еле 70 вымучивает. Какой ты от меня доброты хочешь — себе во вред?

Вот и получается, не брать — себе дороже, так сказать, в государственном смысле, взять — себе во вред в смысле цеховом. Вся наша беда, что

мы даже себе не признаемся, как ставляемся вот эти два интереса. Ну, того парника я быстро в другой цех устроил, где начальник пригласил, покладистей. А существо конфликта отсталось. И каждый раз его приходится решать заново, решать на живом человеке с конкретной фамилией и характером, своим, неповторимым. Один спокойно переводит из одного цеха в другой, а другой тут же от завода поворачивает. Один пришел на завод, потому что это его мечта, а трое пришли, потому что в институт не поступили, а еще двоим направил райисполком как в последнюю инстанцию воздействия... Все разные, все непохожие. Нет, проблема завод и подростки не в цехе начинается, а значительно раньше.

Сергей Максимова провел три тоненькие параллельные линии.

— Это завод, — пояснил, показывая на первую, — это школа, а это подростки. К сожалению, до сих пор линии эти параллельные, а значит, не пересекаются. А нам нужно, очень нужно, чтоб они пересеклись вопреки математике. Чтобы приход на завод из школы был путем естественным, а не болезненным. Не надо школе специально готовить рабочих, это мы сами сделали, надо воспитывать уважение к рабочему труду, и тогда нам не придется в каждом конкретном случае сводить эти параллельные. Наверное, тогда выпускники учебного цеха будут давать 100 процентов рабочей нормы легко и безболезненно, а сейчас они дают только 80, потому что их не только надо учить работать на станке, а приходится доказывать, что это труд не хуже всякого другого. Ну разве не поздно делать это уже за станком?

Конечно, — смеется Сергей Максимова, — опыт с каждым отдельным подростком обогащает: глядишь, и через сто лет я уже сразу безошибочно смогу определить, кто останется на заводе, кто нет, кто вернет затраченные на него деньги и усилия, кто останется навсегда должником.

Сергей Максимова, конечно, шутит, может, чуть горько, но это для того, чтобы подчеркнуть: не просто анализировать — как, кто и почему приходит на завод.

Почти все ребята, с которыми я беседовала, в 1970 году уходят в армию. Это развывает вздох, о заводе говорится уже в прошедшем времени, как о хорошо, другом, но, увы, недавно умершем дедушке. Что я хочу узнать от ребят?

Прежде всего, не усложним ли мы эту пресловутую проблему подростков, тем ли уж действительно трудно соединить в одной точке три линии, три интереса — заводской, школьный и интерес конкретного Пети? Не фетишизируем ли мы эту загадочную душу подростка, вопреку и проклятию одноклассников? В этом микросредовании мне помогают ребята с Тульского оружейного: Леша В., Володя П., Тана Н., Надя М., Валерий С. и подростки с Московского первого подпольного завода Володя Ж., Борис Т., Саша А. Шесть юношей и две девушки. Все они очень по-разному работают на своих рабочих местах, очень по-разному относятся к заводу, к одноклассникам. У всех разные планы на через три года и все будущее. Из трех месяцев наведясь с рабочей биографией связывает жизнь один, из пяти туликов остаться на оружейном собирается двое. У остальных планы пестрые — от мечты стать военным летчиком до извещающего желанья дельть ружья. У всех разные планы на через три года и все будущее. Из трех месяцев наведясь с рабочей биографией связывает жизнь один, из пяти туликов остаться на оружейном собирается двое. У остальных планы пестрые — от мечты стать военным летчиком до извещающего желанья дельть ружья. У всех разные планы на через три года и все будущее. Из трех месяцев наведясь с рабочей биографией связывает жизнь один, из пяти туликов остаться на оружейном собирается двое. У остальных планы пестрые — от мечты стать военным летчиком до извещающего желанья дельть ружья. У всех разные планы на через три года и все будущее. Из трех месяцев наведясь с рабочей биографией связывает жизнь один, из пяти туликов остаться на оружейном собирается двое. У остальных планы пестрые — от мечты стать военным летчиком до извещающего желанья дельть ружья.

Итак, трое из восьми.

Володя-москвин — мягкий, осторожный, сразу не поймешь, то ли это деликатный способ не раскиснуть. Потом убеждаешься: мягкость у него от неуверенности, а осторожность от опасливости. Володя очень плохо учился в школе. Не из-за лени — просто не давалась ему премудрость, заключенная в суффиксах и трудная в неумолимом, нелепом, пологом на комод в сарай,

плюскавперфекте. Но если быть честным до конца, и все остальное, обозначенное параграфами, номерами упреждений и задач, укладывалось в голову нелюбно и как-то иррационально: вроде и голова пустая, а ничего и не влезает, а отсюда — сплошные неприятности. Вот тогда-то и начался период, когда характерно вот эти характеры: заглянуть в него не получалось. В сущности, уже в пятом было ясно: надо идти работать. Но это только со стороны ее ясно. А тут родители: да что ты у нас, хуже других? И учитель: да он вон какой тихий да старательный. Так и дотягивалась до следующего. А после этого — с криком перебежала подшефному училищу подшинского завода. Каждый год ведет училище тяжелую подпольную войну со школами. Давно они знают: обязательно придет к ним вот такой Володя, хороший, старательный паренек, не поладивший с наукой. Но как труден, как сложен его естественный путь в училище! Школа его не отдаст, она борется за него, за его пребывание в классе. А потом через какое-то время выясняется: она боролась не за него, а против него, потому что два года в шестом, два года в седьмом — поди попробуй посидит, чем это чревато? И озлобленность, и комплексом неполноценности, и стремлением утвердить себя зоть, в чем-то, если уж не получилось в учебе. А это «что-то» потом фрикнется уже миллионы. Ну, с Володицей этого не было. Он благополучно попал в училище без «привода». Просто в конце концов его отпустили с богом из школы, и он значительно лучше, уже в «уширце», закончил восемь классов, получил специальную награду и теперь, нелюбно работает. Володя и после армии собирается вернуться на «Уширца».

Что же характерно для истории Володи, что показательно в его приходе на завод, а его стремление остаться рабочим? Прежде всего завод осободил Володю от комплекса вины, которую он постоянно испытывал до того, как ушел, то перед родителями. Он, действительно, рабочий, вдруг ощутил свою человеческую нужность и ценность, свое место, где он и умел, и умеи, и силен, и способен. Разве этого мало? Ему страшно потерять эту уверенность в себе, которой ему всегда не хватало, и, может, через годы он и уйдет на завод, но после армии он обязательно вернется сюда — нет пока на земле места, где бы ему было так хорошо и уверенно. Но это, так сказать, оптимальный вариант отнюдь не единственный.

Валера. Узкий, нескладный, с постоянной неуловимой усмешкой — не очень добродушный, но и не злой, улыбайся ларца себе на уме». Он из рода училищ, то перед родителями, то перед начальством. Широкая распространенная религия нашего времени: мы живи трудно, мы рабочие, а дети наши пусть живут легко и без забот. Валере воспитали иначе — в уважении и труду как обязательной стороне в жизни человека, и труду как радости, даже если он грубый, физический. Как-то по-своему, просто, но ему пришла эстетическая мушкет.

— Я пришел в цех, светло, чисто, и станки такие красивые стоят. За ними работать хочется, — объяснял Валера потом.

И он пришел сюда работать, а Валера не помешала причина неуверенности в делах, или, проще говоря, призраки их тогдашней и своей работы в боте фрезершника. Не было противоречий, каких-то душевных колебаний, все у него было просто и естественно, и, глядя на него, невозможно было не вспомнить другого парня, с которым я как-то познакомился.

Белобрысый да солнечный, ленивый, даже когда сидит на стуле, он производит впечатление пропавшему бригадирскому дескто. Вот приобщается, присматривается. А зачем ему торопиться? Все равно скоро в армию... И хорошая бригада, бесплощадная ко всякой попытке жить развально, синхронизация, даже как-то любовно терпела это дитя. Ему прощали даже перекур, красочворение, красочворение в строю. Он, дескать, классик, был тут баловнем, а старый мастер, лучший специалист в бригаде, робел перед ним, что Белобрысому явно нравилось. Я далеко от мысли, что все робуют, бывает и совсем иначе — «пошлает» такого мастера, со вкусом «пошлает». Что ему на это скажешь!

Валере «пошлает» нельзя. Он не базарится десятилетия — а наша работа это уже не завоевание — но и не пытается снимать себе цену. То, что он знает, он знает; то, что приходится усваивать уже здесь, делает спокойно и охотно. Рядом с ним ты, и юго восемь классов, семь и даже шесть — ну и что? Это же им хуже, а не мен! — говорит Валера.

А потом и вдруг — представляла его в школьном, празднике на вечерней встрече. Его, робкое, обязательно посадят за красную скамейку. Я представляла это, и мне стало обидно. Какими «производственными» успехами будут удивлять друг друга два встретившихся ученика? Высокой успеваемостью по своему предмету? Вряд ли. Учитель, гордящийся своей работой, называет объективную объективную оценку ее — успесть своих учеников. Он скажет: столько-то моих ребят поступило в МПИ, а другой похваляется, что его ученица на экзаменах на флипак АГУ по сочинению получила пятерку. И это законная гордость, ее нельзя отнять у школы. Валере же остается место в президиуме, заводом ставящее его в какое-то особое положение, не для всех. Вот это-то и обидно.

Впрочем, президиум президиумом, это когда еще будет, а сегодня, если пятиклассник получит двойку, можете быть уверены: в семи классах из десяти уже, горемыки, скажут: «Одна тебе дорога — на завод». И не так уж безобидны эти слова. Они опасны не своим влиянием на конкретную единицу — это даже еще не самое страшное — а созданием атмосферы противоположности интересов школы и завода. Помните параллельные, которые рисовал начальник учебного цеха Тульского оружейного завода Сергей Максимович Миннаев? Школа сама по себе, завод сам по себе, а ребята, которые все-таки приходят после школы на завод, приходят работать не благодаря школе, а часто вопреки ей.

Всем ребятам, с которыми мне довелось беседовать, я задавала один и тот же вопрос: как школа помогла определить рабочую школу. Ответы были стереотипны и бесцельны. «Ну, воткнул нас на завод», «ну, практику там проводили...» И только одну девочку провозглашала школа на завод заводом — и заинтересованно — Надя А. Надя задумчиво не видела. Ее провозглашала деревнянская школа.

...У не больше крестьянская рука. Пальцы крупные, негнущиеся, а все время в движении. Вот катает в ладонях карандаш, вот старательно складывает носовой платочек в четыре слоя, а потом так же старательно разглаживает на широком колене. Нада считает, что ей удивительно по-

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 5 (1027)

МАРТ
1970

НАША ОБЛОЖКА:
КОМСОРГ ЦЕХА
КРАСНОХОЛМСКОГО
КОМБИНАТА
АННА БУРНЕВСКАЯ,
БЕЕ РАССКАЗ
О ЛЕНИНСКОМ
ЗАЧЕТЕ
ЧИТАЙТЕ НА СТ. 1—3.
Фото
Альберта ЛЕХМУСА

18

«РЫЦАРЬ
КРАСОТЫ»
ОЧЕРК ЕЛЕНЬ
МУШКИНОЙ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
РАБОТЕ
ПАРИКМАХЕРА.

8
«НАБАТ ХАТЫНИ».
РЕПОРТАЖ
О МЕМОРИАЛЕ
ЖЕРТВАМ
ФАШИЗМА
В БЕЛОРУССИИ.

21
«ВОЗВРАЩЕНИЕ
С ТОГО СВЕТА».
РЕПОРТАЖ
ИЗ ИНСТИТУТА
ИМЕНИ
СКИФСОВСКОГО.

28
НАДЕЖДА
ЖЕЛЕЗНОВА.
МОДА ВЕСНОЙ,
ЛЕТОМ И В
БУДУЩЕМ ГОДУ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ТРИ СТРАНИЦЫ
ИЗ ЖИЗНИ ВОЕННОГО ЛЕТИЧКА

«ТВОЯ ПРОФЕССИЯ».
диалог с геологом

НАВСТРЕЧУ XVI СЪЕЗДУ ВЛКСМ.
КОМСОМОЛ И СОЦИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

«ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ!». РЕПОРТАЖ
ИЗ МОСКОВСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ ГРУППА: Г. М. Гусев, Е. А. Долгатовский, К. Н. Замоскин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулецов, А. С. Ларов, А. А. Лихачев [ответственный секретарь], В. В. Луцкая [заместитель главного редактора], Е. И. Рибчикова, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Ступов [главный художник]

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

вело. Приехала после восьмого класса и сразу устроилась на завод. У нее профессия фрезеровщица. Вот поработает немножко, попутно в школу мастеров. Осушающее кача головой, она рассказывает мне о девочке, которая вместе с ней учились «на фрезеровщицу», а ушла потом в контролеры: показалось трудно. Разве ж это трудно? Так все понятно объяснили. А если и успеешь, так ведь приятно как от такой усталости!

Итак, трое влились в рабочий коллектив. Я подчеркиваю «влились», потому что остальные пятеро на сегодняшний день тоже числятся рабочими. И только числятся. Но заводу приток, который идет из деревни, из коммунальных рабочих семей и неуспевающих в школе, все-таки мал. Люди нужны еще и еще, поэтому приходится задерживать, заинтересовывать и тех, кто уже работает, но в любую минуту готов уйти.

В нашей истории их пятеро. Кто же из них подмалывает, кого способен заинтересовать завод, даже если дернуть и рассматривать его пока как случайную струю в биографии? И существуют ли вообще в природе эти заинтересовывающие средства, способные перебить пока еще зыбкое желание летать, врачевать, учить детей?

Вопрос это не праздный. В подоминиково училище поддоминикового завода недобор. Значит, не обеспечит он потребности завода в рабочую силу. Каждый год с почетным отрывом покидают парней в армию. Далеко не все потом возвращаются к тем, кто их провожал.

Вот я и рассматриваю моих партнеров знакомых только с одной точки зрения — могут ли они все-таки остаться на заводе?

Так вот, из пятерых больше всего шансов притереться к рабочему делу имеет Леша В. Он сирота, пришел на завод из детского дома, завод одел его, обул, дал общежитие. Завод оплакает Лешу, как может, что, кстати, не помешало тому уже сбегать резак от своих опекунов. Ну, отнесем это за счет молодости. В сущности, у парня ничего нет, кроме завода. А вот Борю надо говорить нехорошо, хоть и все хорошо, так нет, не помешало тому уже сбегать резак от своих опекунов. Ну, отнесем это за счет молодости. В сущности, у парня ничего нет, кроме завода. А вот Борю надо говорить нехорошо, хоть и все хорошо, так нет, не помешало тому уже сбегать резак от своих опекунов. Ну, отнесем это за счет молодости. В сущности, у парня ничего нет, кроме завода.

А вот Борю надо говорить нехорошо, хоть и все хорошо, так нет, не помешало тому уже сбегать резак от своих опекунов. Ну, отнесем это за счет молодости. В сущности, у парня ничего нет, кроме завода. А вот Борю надо говорить нехорошо, хоть и все хорошо, так нет, не помешало тому уже сбегать резак от своих опекунов. Ну, отнесем это за счет молодости. В сущности, у парня ничего нет, кроме завода.

Вот Тяня находит эту линию пересечения. Она поступала в училище прикладного искусства и не прошла по конкурсу. Закончила профучилище по гравированию. Завод ей понравился, завод ее, все хорошо, так нет, не помешало тому уже сбегать резак от своих опекунов. Ну, отнесем это за счет молодости. В сущности, у парня ничего нет, кроме завода.

Пятым в нашей компании Саша А. Подтянутый, чистоплотный, сдержанный, пять минут меня ждал, а уже достал книгу, читает. О заводе говорит уважительно. О школе тоже. В армию идет охотно. После армии собирается вернуться сюда же. Просто золото, а не парень, говорит о нем ребята конкурсоры. И мне тоже нравится, потому что никак не останется на заводе — не верю. Парень по развитию, по знаниям перерос своих товарищей. А ему только семнадцать, и он тянется, тянется вверх. Наверняка будет истуканом, и для него это правильно, а может, будет обязательная работа, которая заставит его делать что-то более глубокое, более объемное, чем сегодняшняя профессия шифровщика. А то, что, он говорит, будет оставаться — это лукавство производителей парней и девочек. Ну зачем раскрывать перед полузнающими журналистами!

Завод использует очень большие деньги на подготовку молодых рабочих. Тульский оружейный завод потратил на подготовку подростков в 1967 году 45 351 рубль. Это очень большая сумма, которую труд молодых рабочих в течение года покрывает не сумел. Не сумел и из-за их недостаточного профессионального уровня, и из-за того, что все время подрастающего поколения растрачено на технику. Кого это возмущает? Будет бы всех. Но вплотную проблемами молодых на Тульском оружейном заводе занимается два хороших человека: Сергей Максимович Миनावев и инспектор отдела кадров по работе с подростками Сергей Васильевич Сушков. Им досталось очень много педагогической работы, и достигают они ее на собственных ошибках и победах, часто для них самих необъяснимых. Вот и прибегают они по памяти к тем формам воспитательной работы, которые использует школа. Прогружала смену — позвала маму. Озорнику это не страшно, одному смелее. Вот и выросла стена непонимания. И те роняют подчас за ней те, что често за станами, те, с кем не успели, не сумели поговорить и правильно сориентировать взрослых. Двум, трем это не под силу. А заниматься этим попутно грешно: слишком велики потери. Заводу нужны специалисты-педагоги еще и еще. Вот, пожалуй, не мне нужно жалеть денег. По той причине, что дело с семнадцатилетними, заводу нужно педагогическое образование.

На поддоминиково мне рассказали: учишься проходишь в цехе практику, мы приходится давать то же, что и рабочим. Рабочий получает, к примеру, 120 рублей. Ученик же получает меньше, потому что только третья часть. В этом есть резон — они находятся в училище на полном обеспечении. Но вот история: только-только ребята достигают своего учителя, они начинают лениться. Эта вот пресловутая «третья часть» начинается на них не психологически давняя. Стоит сделать минимальную прибавку, ученики начинают лениться. Какое-то время каменит — добрые слова — и все приходит в норму. Казалось бы, нетрудно догадаться, но додумываться не все, разве придет в голову, что пятерка эта имеет чисто символическое значение, что главное все-таки в психологии начинающего работать, в том, обязательно ли ученик должен учиться без которого нет вообще воспитания. Да, наверное, и не только в этом дело. У завода трудная педагогика. И ей сейчас особенно нужны люди мудрые, спокойные и знающие.

ТУЛА — МОСКВА

ПОЭМА

Магомед-Загид АМИНОВ

ЗА РОДИНУ ЖИЗНЬ ОТДАВШИМ ПОСВЯЩАЮ

Я с мальчишками в бабюн играл.
Эти дни отошли незаметно.
Словно кто-то из вала дал украл,
И в душе стало горько и бедно.

Этот плач, этот крик, этот вой
Леденя мне сердце, и мила
Урожайная милагой
И сидела, как свечка, праямо.

И старуха соседка меня
Обнимая рукой уловатов,
Будто хочет укрывать от огня,
И от эза войны, и от чада.

И я слышал, как дышит она.
И вот вздох поддается пельмен
И затыл пельмен совсем не слышна,
Я живу только этим мгновением.

Что же сделал я, а чем виноват,
Почему я в стал сиротой!
Мир для горя ядруг стал миловат —
Мир до края наполнен бедою.

«Спи, спячонок, спи, малец!
Позавспрешься до утра,
Возвратятся твои отец,
Возвратятся бы пора...»

Сирота!.. Ходит мать в слясовет,
Там ей пенсую молча селяют,
Сиег, уяв на нее, словно свята,
На глаза помертвевшем не вает.

«Спи, спячонок, спи, малец!
Позавспрешься до утра,
Возвратятся твои отец,
Возвратятся бы пора...»

Сиег, сверляющий, как иммерал,
Обнимает ребячк ладони —
Я колюсь в лоялз боюнай,
Пас телят на подветренном склоне.

О, еще чу хозь раз постоит
Там ей пенсую молча селяют,
Сиег, уяв на нее, словно свята,
На глаза помертвевшем не вает.

Сразу взрослою сиделась жизнь,
Перехода я не заметил.
И друзья мои все разошлись
Далеко-далеко по планете.

«Спи, спячонок, спи, малец!
Позавспрешься до утра,
Возвратятся твои отец,
Возвратятся бы пора...»

Мать одна на крыльце. Сияотрит
всплед.
И печаль на лице ее тонком:
Муж, которого больше уже нет.
Дарю: предстал перед нем ребятам.

«Спи, спячонок, спи, малец!
Позавспрешься до утра,
Возвратятся твои отец,
Возвратятся бы пора...»

Он ступает с того же крыльца.
Он выходит на тропку все ту же.
Голос слыши, позывающий отъав,
Стык. А мальчик становится мужем.

«Спи, спячонок, спи, малец!
Позавспрешься до утра,
Возвратятся твои отец,
Возвратятся бы пора...»

И-за дальних и дымных вершин
Дни взлодит в аул друг за другом,
И встречал их, вояна сын,
То с надеждой, то с тайным испугом.

«Спи, спячонок, спи, малец!
Позавспрешься до утра,
Возвратятся твои отец,
Возвратятся бы пора...»

Грохот в небе стоял по иочам —
Самолеты чужие летали,
Я их тоню во тьме различал.
О, как они нежданно те теню!

«Спи, спячонок, спи, малец!
Позавспрешься до утра,
Возвратятся твои отец,
Возвратятся бы пора...»

Только грохот враждебных и тьма
Звонящих было все же не в слял
Пельня планальщиц, что к ума
В эту страшную пору сходила.

«Спи, спячонок, спи, малец!
Позавспрешься до утра,
Возвратятся твои отец,
Возвратятся бы пора...»

«Спи, спячонок, спи, малец!
Позавспрешься до утра,
Возвратятся твои отец,
Возвратятся бы пора...»

«Спи, спячонок, спи, малец!
Позавспрешься до утра,
Возвратятся твои отец,
Возвратятся бы пора...»

«Спи, спячонок, спи, малец!
Позавспрешься до утра,
Возвратятся твои отец,
Возвратятся бы пора...»

ДЕТСТВО

25 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ

★

9
МАЯ
1945

Рисунок Валерия КАРСЕВА

И блестит от росы колюч,
И сполохны леса и вершины,

Материнское сердце болит
Той же болью, и так оно бьется,
Словно сны возвращаются волнит,
Сын вернется. Но ахм ли вернется!

Мать отцовские письма хранит
И читает, на плач-тх не зная,
Рот ее напряженный открыт
И змеет, как рана сквозная.

Молчаливая, слово скажи.
А за словом стоят материнским
Дни терпения, целая юность,
Край спасенный — живыми обелиском.

Как солдатские жены смогли
Все снести в ту лихую годину!
И насли, и копали, и шли
Камень бить, и не кляли судьбину.

И пахали и севли ронь
И писали, смиряя усталость:
«Хорошо мы живем...» — это ложь
Шла на фронт и святой оказалась.

Наши матери — истина гор,
А она не подвластна и тленью!
Это вы мне открыли простор,
Научили сердцебиенью.

Сыновья ваши где-то вдали
С вендешниками шли к фронту, сутулы,
Но ищом вы на спинах несли —
Вы несли, не сбиваясь, аулы.

Вам пророческий голос в ночах
Был — и шли вы в поля на рассвете.
У веревк ремни на плечах.
А на первых плечах были дети.

Мать все помнит, но только она
Слова асуе о прошлом не скажет.
А над прошлым стоит тишина,
И вершины застыли на страже.

Мой ровесник! Отец еси той
Жизн, то ранам его поклонись ты!
Твой отец рисковал головой,
Чтобы мир наш жни светлыми

чистыми.

Мой ровесник! Проходит межа
Между злом и добром вековая.
Нак пора у того рубежа
Встать, собою добро прикрывая.

Мы всегда поматем о том,
Чьм мы дети; и день начиная,
Мы его запомним трудом,
Словом кувоз зерном урожая.

Мать растла, но Родина нам
Той же матерью стала, ровесник,
Поздравимок стелунок урожая.
И кормила, и пела нам песни.

Поклоение наше, мой брат,
Понимаю уице с малолетства
Жизнь как первую из наград,
Принимало военное детство.

Что нам слава, к чему нам она!
Рядн слыви отцы наши, что ли,
Шли в огонь и шедна мена
Наши, падали замертво в поле!

...и когда на одежде ребят
Аккуратную штормку, заплатку
Вдур уицую, то видит мой взгляд
Ночь далекую, маму-солдату

Над шитьем... Эти нити надежд
Укрепляют бессонные руки.
Этот свет, этот взгляд, этот мист
Выше смерти и выше разлуки.

Перевел с лисского
Натан ЗЛОТНИКОВ

В каждом камне таится звезда,
Боль и гордость во мне и великий
Смуд: я глумлюсь был очень тогда,
Когда мать мне кроила чарышк.

Ша страда, и зерно для войны
Созревало, как наши надежды.
Мне одежку при свете луны
Шла мать из отцовской одежды.

Это писано мне на роу,
Кровь отцовская мчится по жилам.
Мама красную взяла звезду,
К синей бязовой сумке пришла.

И пахалу отца на заре
Мне надела рукою дрожащей,
И слезинка ее в сентябре
Мне казалась звездочкой горящей.

Был красными контуры свал,
Облака шли, как рыбы, ныряя.
Нас горбатыи учитель встречал,
Добротой своей встречал.

Не забыть эти первые дни!
Разводили чернилку из сажи
Мы с ребятами, чтобы они
В букавы первые вписали тогда же.

Эта черная сажа войны
Внезапно наших направила,
В наших душах проникла и сына,
Нас от черного цвета знобило.

Из газет мастерица, помню, сам
Я тетрадки, друзья. Так мы жили.

Мы учились. По черным вестям
Наши черные перья скользяи.

Кто же может теперь пренебречь
Межд, что дети тогда начертали!
Пробуждается разум, и речь
Посыпает на дальние дали.

Собирали металл как-то раз
Для войны, мадь звенела в ауле.
Отдала мать тогда медный таз,
Блюда все отдала и кастрюли.

И вшивала у нас на ювере
Сабля длинная, не разрешали
Мне касаться ее. В сентябре
Мать сняла ее. «Редюстикой снажи

Эта сабля», — сказала она
И смысла ее собирали ломом.
День пришел — и седлать скакуну
Мать взялась возле нашего дома.

Белый конь, явился белым огнем,
Кто же вновь понесет меня в горы!
«Наш отец возвратится на нем»,
Мать сказала, — конь сильный и
скорый!»

Я валялся в ногах у коня
И поведья держал, и разлуки
Я боялся сильнее огня
И страшился разжать свои руки.

Вот жу волоком я влоучусь
И забьются слезами не чаю,
Уисую поведья — и грусть
Бьет, как будто весь мир уисую.

Годы, годы прошли, как дожди,
И на крыше родительской сажки
Обновлялась земля, но в груди
Шли дожди, глухо стукали капли.

Тяжелый-тяжелый сумоный платок
Мать носила. Лице ее томне
Стало темным. И, как икяютки,
Ветер жег и деревья порежила.

Мамя прятала седнину,
Чтоб не знал я, как быстро стареет
Жизнь ее, будто можно войну
Спрятать вдруг или сделать добрее.

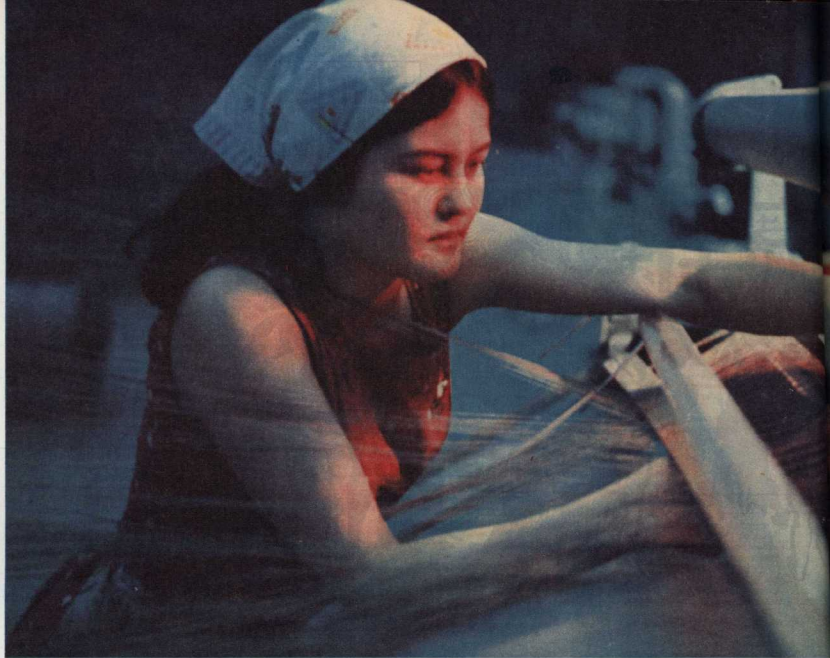
Но сверкинет только белая правда,
Возносима ветра порывом, —
Вику отца: опять и опять,
Мчит отец на коне белогривом.

Думал, выучусь в школе письму
И на фронт напишу, чтобы светом
Взор наполнил бойцу одному,
Только адрес отцовский невдом.

Топлея за порогом белы,
Белым праздничным пухом одеты.
На земле еще никого беды,
И отец мой сравняется где-то.

Ходат в черном у нас до скх пор
Много венищи. И пушше плавать
В сумудных берегет, доклятья пор
На дорогу посылка, как зайчье.

И когда, повзрослев, сыновья
Уезжают в попутных машинах,

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ

Анна БУРНЕВСКАЯ,
комсорг
ткацкого производства
Краснохолмского
камвольного комбината

Могло было бы казаться, что мы на хорошем счету в районе и даже в Москве, выполнили пятилетку и дали 22 тысячи метров ткани сверх плана. Но дело ведь не только в этом. Чтобы понять, что такое для нас Ленинский зачет, загляните к нам в цеха.

Когда я пришла прошлой осенью на комбинат, мне показалось, что я попала в многочисленную и дружную семью, которая готовится к празднику. Каждую неделю по-новому украшали комсомольский зал в клубе, писали лозунги, изобретали фотомонтажи, ходили в походы по ленинским местам, бегали с конспектами, как студенты. Я ведь поступила почти одновременно в текстильный институт и сюда. И, знаете, наши девочки из ткацкого тоже показались мне абитуриентками, ожидающими студенческих билетов. Они и в самом деле будто сдавали экзамен на какое-то новое свое человеческое качество. Теперь и у меня такое ощущение, что самая главная сессия будет в апреле. Мне кажется, в Ленинском зачете основное — атмосфера, о которой

лучше всех сказал Маяковский: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше». Вообще самоанализ — скорее свойство людей творческого труда. Но сейчас девочка все время приглядывается к себе: что хорошо в них, что плохо. Это ведь отличная привычка — все поступки пропускать через сердце и голову. Не просто взял и сделал, а почему сделал, для чего сделал.

Нашему комбинату — когда-то фабрике Августа Шрадера — больше века. Представьте себе казармы, нары в три этажа, керосиновая лампа одна на барак, плучат детиски, воня, ницета, вши. Даже за ворота нельзя было выходить. Настоящая каторга. Корпус, что в углу двора, назывался «ручным» — все делали вручную. Сейчас у нас прекрасное общежитие. И станин лучшеши в Союзе. Но когда В. И. Ленин говорил о том, что производительность труда в конечном счете — главное для победы коммунизма, он, по-моему, имел в виду не только станин. Ведь если ручной станок еще можно сравнить с мощным автоматическим, то как сравнить психологию неграмотной рабыни Ав-

Ленинский зачет для комсомольцев — большая школа политического и нравственного роста.

Сверить жизнь свою, дела и планы с заветами Ильича... Своим трудом помочь воплощению ленинских идей... По всей стране развернулось преобладающее соревнование молодежи под лозунгом: «100 дней — 100 ударных дел». О том, как в эти дни проходит Ленинский зачет на одной из старейших московских предприятий — Краснохолмском камвольном комбинате — редакция попросила рассказать комсорга ткацкого производства Анну Бурневскую.

Ира Кононова
работает
в спондиальном цехе.

На субботнике.

Фото
Альберта
ЛЕХМУСА

НАШЕ ЖИЗНЬ

густа Шрадера с психологией наших комсомолок. Здесь требуется совсем другой масштаб. И, по-моему, как раз об этом — об ощущении рабочим долга, об отношении к труду — и думал В. И. Ленин, когда говорил о высшей производительности труда.

У нас все знают Лиду Кюссе. Сидит около своей мотальной машины, как школьница. Платочек в горошек, халатик с комсомольским значком. Со слезы девчонки-комсомолок. А это самый известный у нас бригадир — не только на комбинате, но и в Москве. Ее бригада «Бригантина» — лучшая на предприятии легкой промышленности. Зовут Лидных девчат «сбирячками»: на «чертову дюжину» у них действительно восемь сбирячек, все из Ленинска-Кузнецкого.

В общеряжину у нас по трое в комнате. Характеры бывают разные да и настроение тоже. Но сбирячки и в быту едины, как семья. И Лиды у них за старшую, хотя ей всего девятнадцать. Мне кажется, любят ее за справедливость. Иная из бригадиров услышит, что мастер девчонку чистит, и тоже на нее. Лида не такая. Она своих видит насквозь. И никогда не

станет ругать, если знает, что причина рассеянности или медлительности вполне уважительна. Я впервые увидела, как работают сбирячки, подумала — этого мне никогда не достичь. И правда, такая быстрота, что бригадиром глазом больно. «Бригантина» — бригада мотальщиц. Они перематывают на своих машинах маленькие початки пряжи на бобины. Равется нить — связывают, кончается початок — ставят новый. Початки маленькие, скорость большая. Конечно, можно потише ходить, помедленней вязать узлы. Дескать, машине хорошо, она железная, а у меня вечером танцы, надо ноги поберечь. Так вот, по-моему, когда В. И. Ленин говорил о росте производительности труда, он думал о воспитании у нас внутреннего чувства ответственности. Он даже прямо писал, что именно из отдельных усилий складывается вся трудовая жизнь страны, и просил «...все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую. По мере того, как это будет происходить в каждой

деревне, по мере того, как будет развиваться коммунистическое соревнование, по мере того, как молодежь будет доказывать, что она умеет объединять свой труд — по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен».

Девчата из Лидной Бригады понимают свою ответственность и дают не меньше 130—150 процентов норм. Некоторые могут подумать, что они для зарплата стараются. Но во время всеобщего субботника, когда все работали бесплатно, девчата давали и по три нормы! А потом ноги себе растирали, как балеринки. Потому что это невероятно трудно — работать за троих. Перед тем, как выйти на субботник, мы все перечитали «Великий почин». И все признались потом, что заново открыли для себя эту работу, хотя штудировали ее и в школе и в техникуме. В. И. Ленин так говорил, что его слова как напутствие идушему, совет вершущему. Просто зубрить его работы бессмысленно, их надо принимать как руководство к действию.

В предубийственных обязательствах «Бригантины» написано: «Проработать 12 и 13 апреля на сэкономлен-

ном сырье. Если бы девчонки забыли об этом обязательстве хотя бы на один день, им бы его не выполнить. Чтобы два дня работать, нужен вагон початков. Как их сэкономить? Ведь и в обычные, небогальные месяцы никто не выбрасывает годних початков. Значит, остается один резерв — собственные руки и зерпание. Обычно, когда на початке остается метр, два, три нити, мотальщица при обрыве просто сбрасывает такой початок. Что с ним возиться! Девчонки стали собирать остатки. Конечно, бегать приходится побольше, смотреть позорно. Зато метр за метром накапливается на подарок. Сначала на день работы накопили, теперь насобирали еще на день.

Или вот еще строчка в наших обязательствах: «Ни одного комсомольца вне учебы». Может быть, не совсем-то ловко сказано, но тогда, на собрании, всем показало, что это как раз в точку. Помните, В. И. Ленин сказал на третьем съезде комсомола: «Задана состоит в том, чтобы учиться. Сейчас все уже говорят о том, что культурный уровень общества — залог победы в экономическом соревновании. И хочется, чтобы все дево-

ки понятия, что наше общество не нечто отвлеченное, а сумма людей таких же, как они. Иные еще думают: ну сколько стране народу учиться, и если бросишь просто со всего никто не заметит. Но ведь так нельзя рассуждать: пусть учатся все. Конечно, трудно: день в меху, а вечер за книжками. И спать хочется, и танцевать хочется, и в голове шум от станков. Но зато как приятно потом чувствовать себя грамотным специалистом, который может головой думать за свое дело! После собрания все пошли учиться. Кто в институт, кто в техникум (у нас почти все с десятилетней). А Лидя Бубличенко из местного складка учила на улице университета.

В Ленинском зачете три грани: производственная, учебная, общественная работа. Раньше я думала: формально это или нет — связывать в единое три грани признака? Но чем больше я наблюдала за людьми, тем больше убеждалась, насколько органично сочетаются качества производственной деятельности и человека познающего. Я могу говорить только о той среде, которую знаю, — о комбинате. У нас если девушка хорошо работает, так она, как правило, и в другом комбинате, и самостоятельность не упустит, и на учебу у нее силы найдутся. Я говорю о девушках, потому что производств у нас действительно женская, и мужчин, в особенности парней, совсем мало. В основном это слесари-наладчики, или помпистера, как у нас говорят. Есть у нас такой помпистера, Витя Гранкин. Худенький, длинный, ничего заметного — глаза до выкр. А вот в армию весной будем провожать — девчата плавать будут. Хорошо он человек, «БСМ», — чувствую, что человеку что то надо, расшубься, а сделают». И мы действительно знаем: если же неполадка, зазор — только сказать, тут тут тут — в момент наведи порядок, Виктор сначала, как и я, у текстильного производств не помышлял. После школы разбегался в строительный институт. Но там по кому-то не про него, не комбинате, в нашем ткацком, работает его тетя, хорошая ткачиха. Она и привела племянника. Сначала он грустный, словечко вымолвил своего отца, но вот Лидя Куисе его на мотальной машине научила работать. А он ее сразу в спорт завербовал. На Витю сейчас все спонсорство: волейбол, баскетбол, лыжи. Он не конферансе на концерт. Говорит, вернусь в армию — побуду в текстильн. Побойность ему у нас. А побойность — забота о побойности, побойным, интересным. И не надо его просят: сделай то-то и то-то. Сам все доставит, обо всем договорится. Сейчас, перед юбилеем, мы строго следим, чтобы у каждой комсомольской группы было серьезное общественное поручение. Но настоящим успехом мы считаем только те случаи, когда человек, подобно Гранкину, сам приходит к сознанию необходимости помогать друзьям, работать для них, отдавать им свое время.

Конечно, энтузиазм, активный Ленинский зачетом — это не и чисто практические результаты. Пятилетний план наш девчата закончили еще в октябре, а сибирчан — в июле. Девяносто процентов комсомолок работают уже в свет двадцать первого года. Наполнившую выросло численность высшего среднего уровня. Это серьезные цифры. Но главное, мне кажется, не в них, а в той глубокой увлеченности, с которой наши комсомолки готовы держать свой экзамен на зрелость в апрельские дни.

100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

ЛЕНИНУ НА 70

Мы знаем Ленина несгибаемого борца. Соратники великой мысли оставили наследием того, каким трудником был он, каким верным товарищем. Письма Владимира Ильича к матери открывают нам молодого Ленина — нежного, заботливого сына.

Письма Ленина заставляют читателей их забывать о собственной жизни, о собственном отношении к людям. Поэтому нам покажется интересным познакомиться читателей с малой работой Маритты Шагиной «Ленин в письмах к матери», которая готовится к печати в издательстве «Молодая гвардия».

Вотские писем, длинных и коротких, написанных Лениным и матери, а через нее — к остальным членам семьи, прошли больше половины сознательной жизни Ильича, с 1893 по 1916 год. Их обычно рассматривают как выражение любви и глубокой взаимной привязанности семейства Ульяновых. Но в свете душевной близости членов этой деятельности и судьбы трудно было бы предположить другое их отношение. А вот огромнейший материал о самом Ленине, о его привычках, акцентах, житейских черточках и глубинном проявлении характера, данный на каждой странице писем, чуть ли не в каждой строке, — это материал по сути как-то не подвергавшийся систематическому исследованию. Между тем Ленин встает в этих письмах с любой конкретностью, силой и ярче любого написанного о нем воспоминания. Хочется, чтоб молодежь читала эти письма все один, но два раза, чтоб она жила с образом живого Ленина, любила его во всей конкретности его могучего, жизнередающего, веселого и острого человеческого бытия, училась у него нравственности и организационности жизни, понимала, что только однажды дается эта жизнь и нет хуже душевного терзания, как прожить эту единственную свою жизнь вразброд и беспорядок.

Именно в этом смысле, мне кажется, письма Ленина к матери могут стать настольником, помощником, поддержкой нашему поколению.

Оте писем в течение 23 лет, охватывающих жизнь в Петербурге, Сибири, Пскове, Германии, Англии, Швейцарии, Финляндии, Франции, Польше, с переездами из одной страны в другую, с возвращением в них, — казалось бы, какой калейдоскоп и какое должно бы отразиться в письмах нервно напряженное сысканье, изматывание, переходы из одних условий в другие, бесконечной смены адресов... Но вот что бросается в глаза при первом же чтении писем. Кто хорошо знаком с литературным наследием Владимира Ильича, знает, какую страстную силу борца вкладывал он в свои строки, поводя их эмоциональное воздействие на читателя тем, что сразу переводил устные примечания и разговорную речь на бумагу с помощью всех существующих технических вспомогательных знаков восклицания и вопроса, подчас удвоенных,

соединенных вместе; подчеркиваний, рабиков, курсивов, графических вставок на полях, примененных большевик Бунин и т. д. Сама грелая проза Ленина всегда насыщена эти волнением оратора, как если 6 Ленин в процессе писания обращался к слушателю, а не к читателю. Но читая, мы чувствуем, что автор — борца, борца страстной, несгибаемый; что автор — полемист, не уступающий, побеждающий в споре. А вот в своих письмах к матери Владимир Ильич, словно бурная река, вдруг успокоился, раздвинулся в ширину, терпит все признаки борца и полемиста: нет курсивов, нет подчеркиваний, нет удвоенных восклицаний, многоточий, всего того, что передали бы нервную природность излучающего. Губа его спокойно лежит на бумаге, слова наизымаются в аккуратную строчку. На всю отнюдь писем я насчитала всего что-то около пятнадцати подчеркиваний, всякий раз для того, чтобы обратить особое внимание на подчеркиваемые слова: например, на слово *каждый* (день), когда он пишет о необходимости для брата делать в тюрьме гимнастику, не ленясь и не пропуская ни одного дня; или нежное, полное чувства подчеркивание слов: *До свиданья* — только в том письме, когда он ждет близкой встречи с матерью, по которой стосковался за границей.

Именно это отсутствие обычной гаммы «устных» знаков и «писанной» речи, эта спокойная, ровная манера изложения сразу показывают читателю Ленина как человека «суб дома», «со своими близкими», в полноте обычного душевного самоощущения. Ленин весь, как он есть, в этих письмах. Изучите, взгляните в него, в такого, как он есть, в «обычном» для себя человека — и необычного, удивительно нежного для нас, у которого так хочется учиться и учиться.

Примечки и вкусы, убеждения и потребности создают внутренний источник для поведения, а по длинной цепочке поведения расширяется характер.

В чем для Ильича была постоянная нужда, постоянная потребность, отразилась в письмах? Читая первое письмо, от 1893 года, из Петербурга, Там есть в самом начале список названий Ильичем компаний — чистая, светлая, с хороним ходом; и: «Так как при этом очень недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы до библиотек), то я совершенно дово-

Маритта ШАГИНА

НАБАТ ХАТЬНИ

Вот и кончилась война... И снова
мы идем в бой... И снова
мы идем в бой... И снова
мы идем в бой...

Вот и кончилась война... И снова
мы идем в бой... И снова
мы идем в бой... И снова
мы идем в бой...

Вот и кончилась война... И снова
мы идем в бой... И снова
мы идем в бой... И снова
мы идем в бой...

Память о Хатыни — это бронза и камень, это суровая людская боль.

25 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ

9
МАЯ
1945

Валентина БИАНКИ,
Мирислав МУРАЗОВ
(фото)

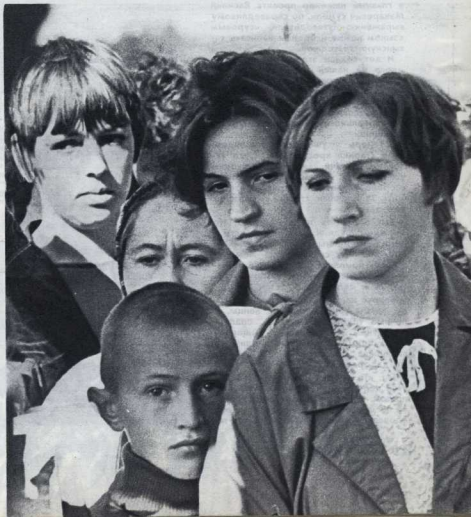
С юда надо ехать по шоссе Минск — Витебск; вскоре как начал петлять, идет то в гору, то под гору, отирая глаз просторные поля, перелески и рощи. Если осенью едешь сюда, все желтым-желто: и песчаные откосы холмов, и кроны могучих деревьев, просвеченные солнцем, и стога на лугах. А зимой тут царство белызы.

Белеют речные русла; дубы и осины укрываются шапками и морозной иголки снежинками. Вот уж поистине Белая Русь!

Мы быстро миновали пригороды Минска, и пошли те места, которые называют глубинкой. Мелькает сочная усадьба — ворота аркой, водонапорная башня, группа аккуратных кирпичных строений... Проезжаем районный центр Логойск. Потом трант круто сворачивает влево, и на дороге показывается и начинает расти темная точка.

Шофер притормаживает машину. Мы стоим перед прямоугольником, сложенным из черных, словно обугленных брусков. На прямоугольнике только одно слово, выведенное крупно и отчетливо, как предупреждение: ХАТЫНЬ.

Дальше нужно бы идти пешком. Нет, не потому, что кончается проселочный путь. Напротив, дорога совсем нова, грейдеры отгладили ее совсем недавно, это уже не проселок, что когда-то вел сюда, в деревушку, стоящую в стороне от магистрали и средю не знавшую асфальта. Нужно идти пешком для того, чтобы вьязь представить себе этот проселок, такой типичный для Беларуси, да и для всей Руси, — проселок с глубоко врезанными тележными колеями и тонкой травой у обочин. Нужно шаг за шагом следовать за этими колеями, еще, правда, не озарившимися тогда мраморным верстовым векаем, а теперь они начинаются от главной дороги: одна... две... три... четыре... пять...

Пять белых верстовых метри, и передо мной — я смотрю на пощину, где, словно на ладони, у леса лежат деревья. Но еще не вижу селения. Вьюги только высуют, в неспокойно розовую, бронзовую фигуру старика.

Однако прежде чем увидеть и рассмотреть его лицо, замечаешь мальчика. Мальчик лежит в руках у старика, голова запрокинута. Жив! Нет, мертва.

Кажется, я пишу сбивчиво. Но об этом и нельзя писать гладко. Так именно отрывался язык Хатыни, и, вероятно, никто из тех кто увидел ее впервые, не смог бы передать свою оцущения спокойно.

Трагическая судьба Хатыни известна. 22 марта 1943 года карательная группа гитлеровцев ворвалась сюда, окружив деревню, согнав жителей в сарай и сжег все от мала до велика. Сожжены были также все здания. И все хозяйственные постройки. Кузница, Колоды. Поросль садов... И не стало Хатыни.

Не стало Хатыни! Бронзовый сталелитейный мертвам мальчишкам в руках пристально смотрит на нас. Утверждают, что прообразом его послужил крестьянин-белорус Иосиф Иосифович Каминский — он тот, кто все зарисовал и велел в деревне спасать от фашистов. Скульптор изваял его в бронзе, исторически точно воссоздав случившееся. Когда Каминский выбрался из-под обломков горющего сарая, он нашел неподалеку своего пятнадцатилетнего сына. Тело подростка было прожато автоматной очередью. Он умер на руках у отца.

Что остается от горюшей деревни! На первый взгляд кажется, ничего. Но это неверно. Остается пепелище. Пламя уничтожило деревню, и все же по обугленным остаткам печных труб, по обводам каменной кладки фундамента видны: здесь стоял дом. И когда было принято решение создать в Хатыни мемориал, победу на конкурсе одержал проект, который решил задачу наиболее естественно. Молодые архитекторы Юрий Градов, Валентин Занкович, Леонид Левин, скульптор Сергей Салюков и главный инженер проекта Василий Макаревич сумели, по справедливому выражению путешественника, «сгусторив аэриком камня и бронзы напавшей хатынской трагедии».

И вот создан этот мемориал. Из камня на вышей земле, прекрасных пейзажников мужеством и верой, Хатыни станет в ряд лучших. Потому что архитекторам выпало счастье и достало сил создать творение огромного эмоционального и патриотического звучания.

«Теперь я уже могу разглядеть лицо старика крестьянина, и его угловатые плечи, и глаза, глубоко углубившиеся в глазницы. Эти глаза скорбны и грозно смотрят на входящих. За плечами старика — сожженная земля».

Тяжко ступить на эту землю. Но мы идём. Будни день. Но вместе с нами по каменным плитам-дорожкам, проложенным сквозь весь мемориальный комплекс, идут люди, приехавшие сюда издалека, из других городов и сел. Много детей.

Вокруг нас — темные, будто в золе, венцы срубов. Иные венцы. И печные трубы, обугленные, опаленные огнем. Кое-где пламя выщербило их гранулику словно иероглифы, выдержав страшного накала пламени, дал трещины.

Тот, кто выбрал некое место для этой деревни, как видно, в душе был поэтом. Ясно дело, сам он, наверное, не думал ни о чем подобном, его одолевали другие заботы. Но все-та-

ки не зря человек этот остановил свой выбор на округлой пощине в лесу, и уже не ушел отсюда, и стал здесь, в кольце белостовных берез и могучих сосен, строить себе дом. К началу 40-х годов в деревне насчитывалось двадцать шесть дворов. Это место создано было для мирного труда. Здесь жили люди, спавшие поколениями. Никто не замарал деревню, и колхоз, вдобав к присущему участку, всегда оставались расплавающим, словно приглашал тебя, надутого узкой деревянной уличкой; маности просили, взорили.

Он и сейчас распахивает, эти калитки. Можно войти во двор. И там видны. В нише обугленной печной трубы укреплена небольшая доска. Столбик имен. Столбик цифр. Иотко Назимир — 54 года. Иотко Алена — 50 лет. Иотко Альберт — 16 лет. Иотко Мария — 15 лет. Иотко Стася — 12 лет. Иотко Доминик — 5 лет. Иотко Рина — 4 года. Иотко Степа — 3 года. Иотко Юзик — 1 год... Семья. Они здесь родились. Они здесь погибли. 22 марта 1943 года.

Вероятно, человечество никогда не создаст лиричней более поразительной краткости. Имя — возраст. И все. Странный важность этих столбиков выстала биографию рода. Молодых мужчин не было в Хатыни. Каждый, кто мог держать оружие, ушел в армию или в партизаны. Разом, в юрфиг мит оборваны судьбы. Иосиф Мотко, кем бы стал ты! И ты, Степа! ...Как назвать тех, кто уничтожил вас!

...Черные останки срубов. Настежь открытые калитки дворов. Скорбные списки сожженных жизнью стариков и детей.

А над всей пощиной, над деревней, над лесом — медленный звук

колоколов. Вот только теперь я слышу колокол. Мой слух словно вышло чужд был до этой минуты. Но сейчас, после первых мгновений, когда проходит резкое, как удар, первое зрительное впечатление и я начинаю воспринимать мир объектно, кажется, что самое главное и единственно важное теперь — стоять и слушать эти огромные мерные удары.

Хатыни год. О ней уже никто не пишет. В одной статье было сказано: «кавалерийский звон колоколов».

Нет, он не кавалерийский. Медь не жалест. Он скорбный, но и торжественный. Даже в самом маленьком колоколе есть нечто от набата. Что сильнее находит в нас отклик: скорбь или набатный гнет! Я не знаю. Должно быть, и то и другое вместе.

Говорят, в эту пору году звук хатынских колоколов разносится на десятки километров окрест. Как странно звучат законциды-трубы! Изнана. Удар. Снова тишина...

Узкая, выложенная из белых яварных плит тропа ведет к месту гибели хатынцев. Бронзовый сарай, куда согнали фашисты сто сорок девять селян, и в их числе семьдесят шесть детей, воссоздан уже не из своего первоначального материала — из черного мрамора. Часом позже мы встретимся со стариком Каминским, и он расскажет, как это было, как рухнула стропила, как картели в упор расстреляли тех, кто обезумел, пытаясь вырваться из огня.

Маленькая девочка, отстав от экскурсовода, уходит от страшного сарая и тихо идет в центр села, к Венскому огню, «РОДНЫЕ НАШИ, В ВОЛНЕНИИ ВЕЛИКОМ, СКЛОНИВШИ ГОЛОВЫ, СТОИМ ПЕРЕД ВАМИ. ВЫ НЕ СДАЛИСЬ ЛЮТЫМ ЗАХВАТЧИКАМ

В ЧЕРНЫЕ ДНИ... Надпись — по-белорусски. Но, чтобы понять ее, и нужен переводчик.

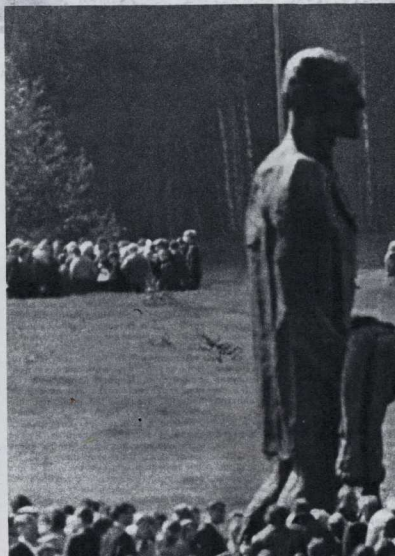
Девочка читает надпись вслух, на родном языке. Спасибо, девочка! В шуме леса, в гуде колоколов так ясно звучит твой голос. Я не решаюсь распространять тебя ни о чем. А ты могла бы, наверное, мне много рассказать... Хатыни лежат между Лидиче и Орледром: параллель проходят не только география, но и история. Лидиче выжили солдаты в 42-м. Орледр — в 44-м. В чешском селце фашисты казнили немцев, кому было больше пятнадцати. Во французском городке гитлеровцы расстреляли всех мужчин, а женщин и детей согнали в костлае. Но им Францию, им Чехословакию не постигла доля уготования немцами в Белой Руси. Каждый четвертый ее житель погиб в борьбе с фашизмом. Три барачки — нет четвертой... Миллионы семей — и ни одной, где не было бы яварных. Вот почему я ни о чем не спрашиваю тебя, моя девочка.

Только там, где знают цену гнету и скорби, только там, где знают, что такое война, может родиться мемориал, подобный Хатыни. Трое из пяти его авторов молодые. Градов, Занкович и Левин получили своим дипломом около десяти лет назад. Они уже созданы не один памятник доблести и славе народной. Хатынь — создание зрелых творцов. В простоте комплекса чувствуешь раскованность злонности и зрелость мастерства.

— Видели в Хатыни колоды! Поглядывали в них! — смеется мне по-тому Юрий Градов.— Колоды восстановлены точно так, где были раньше. Их четыре. И каждый, кто остановился возле, обязательно заочет

Эта тропа не зарастет никогда...

Иосиф Иосифович Каминский.

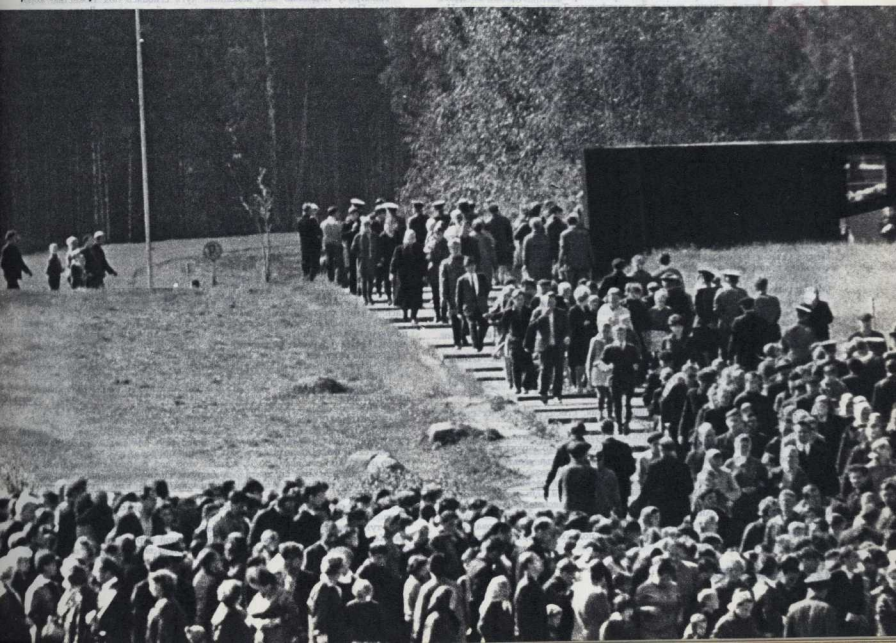
зглянуть внутрь. Весной в них будет вода, зягнутае — уродити нечтэ...
Гроде помочал, подбрав слоа...
— Времена года... Четыре времени года. Лето. Осень. Зима. Весна. Все случилось весной. И время остановилось для них — для тех, кто погиб.
Вы видите времена года в глубине колодезь, сквозь текучую воду. Может быть, это будет цветущая ветвь, или желтый лист, падающий с дерева, или зрелый плод...
Нелегкий мемуарал. Может быть, это только кажется так, потому что воруут — колодез ласал Нет, мемуарал олон, Он вобрал в себя асю скорбь, весь гнз Беларуси. Вот Кладбище деревни. Девять тысяч с лишним сел республику разделили судьбу Хатыни. Землю огненных брастох моча приваложь сода, и она нега под камин-памятники кладбища.
Вереницы людей прохадт, обняж головы, адопл пресокочайна Стены памяти. Уступы стены похожи на зарешеченные она тюремных камер и одновременно — на грозные бойницы. Люди умирали, но не покорялись арату. В каждом уступе — название лагера смерти и число жертв, замученных здесь. Имен нет: никаких имен не осталось бы, чтобы вынести имена. Здесь только цифры с тремя, четырьмя, пятью нулями.
Потомки и соратники тех, кто боролся и погиб, создали этот мемориал. Они же создали и досуги други ваватников по асей Беларусии, а том числе гигантский Курган славы. Он высится возле магистральи Минск — Москва. Когда возводили курган, шоссе было зарпунено грузовиками и автобусами. Маленьким высмалли змалю из лепок, женщины развзвали узелки...

Девочка наклоняется и кладет в вагончик огню Хатыни зеленую ветку.
Снова белые столбики-вози отсытуют километры. Мы иддем Каминского. Маленький дом в маленькой деревне километрат в пяти от Хатыни. Дом свенемаршеша зеленой масляной краской; за заборои влзывает лохматая собачонка; стук железной шендолы на дворах, темные сени... Иосиф Иосифович Каминский идет настречу. Он велик ростом и еще прам. Ему восемьдесят два года.
Мы начали разговаривать, и все трагедия Хатыни окопал перед нами слова. Там, на мемориале, она была как бы обобщена и поднята на уровень громадной силы, а здесь, в комнате с низким потолком, стала проста, как жизнь. Имя как смерть, если угодно. И сразу же, пока мы усаживались на лавку у стола и Каминский садился тоже — он сел на диван, застывший постелью, свободное положение на колени огромные руки, — мне бросилось в глаза близкое сходство между ним и бронзовым стариком. Они были очень похожи! Скulptор выполнил свое работу на той грани, которая позволяет типизировать, не изменяя живому. Такого старика можно встретить в Белорусии повсюду, от Витебска до Беловежской пушчы — и все же сразу было видно сходство с натурой.
— Помню ли я тот день! — сказал Иосиф Иосифович. — Да, я помню. В тот день партизаны обстрелили немецкую машину на шоссе. Это недалеко от нас, где Партизанской бор.
Мы знали это место. Там сейчас установлен указатель, и шоферы, проезжая мимо, говорят: «Хатыни — рукой подать».

— ...И тогда немцы ворвались к нам. Они решили, что партизаны из Хатыни. Да так оно и было. Каждую почти ночь наши из лесу приходили к нам, мы их обували, кормили, чем могли. Жалобы были у них всякие. Немцы оцелили все, стали людей из зат выгонять. Я вижу: жена идет без теплого на холода, в чем есть. Говорю: что там идешь, ничего хать платит-то... С фашистами полный бред, он засмеялся и сказал: идите, вам и так тепло будет, вам одежда не понадобится.
Я опущу подробности. Каминский вроде бы и был скуп на слова и рассказывал о чем-то просто, но, видно, каждая деталь того часа врбнулась ему в память, и страшная картина происшествия вставала перед слушателями, как наяву. Он рассказывал, например, что сарай, куда немцы согнали сельчан, был его, Каминского, сарай. Знакомый до каждой щепочки. Построил незадолго перед войной для инвентаря, колхоз помог деньгами, материалом. Когда крыша занялась пламенем, люди, стоявшие там гоним, что нельзя было плечом пошевельнуть, выломали дверь, но фашисты, стоявшие наготове, стретили крестьян автоматными очередями. Крыша рухнула...
— Жар был такой, что немцы поодаль не вытерпели. Отошли. Все, асид, горели. Я выбрался по трупам. Гляжу — Адакси. Подполз, а у него живот пулями перерезан. Тут я сознание потерял. Отчулся — немец подходит. Приказал пошевельн, сепогом со всей силы ударил, отошел; мертвый!

Иосиф Иосифович подобрал знакомый. Ответ Каминского к леснику,

а выходила его доктор Анисимова, которая приходила в сторожку оттуда-то издалека, присылала лекарства. Так и выжил старик.
Как ни тяжело ему, он ходит в Хатыни. Рассказывает людям о том, что такое война.
Да, война... Каминский целует нас на прощание. Поземья метет по асфальту, и сквозь ветровое стекло кажется, будто перед тобой на долгие километры куртис дымок пожара...
Есть что-то в Белоруссии такое, что тавет сюда снова и снова. Мне пришлось много ездить. Я люблю Грузию и Украину — они щедры. Я люблю Коми-край — его леса неповторимы. Я нежной любовью люблю Среднюю Волгу — где еще такой русский размах и ширь танка! Но Белоруссия... Лымы, что ли, приворожили! Мим громады Новополюца! Или схома ты, Белая Русь, с родной мне ленинградской землей, простой, неврной, близкой до боли! Минск, Брест, Могилев — всегда вымываюся сюда охотнее, чем в Самарканд, например. Кажется, уж все тут знакомо. Но вот — Хатыни...
Леонид Левин мне говорит, что Хатыни дорога ему больше всего, когда осенним днем на березах висят колодез туманы, и воздух пропитан влагой, и на полне меж лесных трубы мемориала видятся как бы издалека. И, кроме того, говорит он, то, что случилось там, случилось весной...
Он говорит об этом, а в вину слепящий снег и белую дымку на черном асфальте, точно помарка. Но Хатыни есть Хатыни. Она стоит на земле, которая прекрасна в любое время года.

Наталья ТАРАСЕНКОВА

СОЛ- ТРАВА

РАССКАЗ

Сильный ветер сбивает шапку. Макар крепко держит ее одной рукой, крупно шагает по платформе. Теперь жать нечего. Надо возвращаться.

— Здорово, Макар! Человек, научился навстречу, завернутый в брезентовый плащ, незнаком Макару. Но Макар кивает ему.

Макар живет далеко отсюда, но многие здесь знают его. Может, потому что охотник, а может, потому что приметен. Рыжий. Голова его и борода что осенний лес. Он высокий, худой, сутулый. Подходя легкая, осторожная, словно издачуа кого-то испугать.

Макар идет к лошадям. Лошади, взвзданные и под седлом, стоят, привязанные к забору.

Он думал, придет Никита, и они сразу тронутся в путь. Позавтракают в тайге. Все у него есть и хари добрый приготовил, и плащухи захватил, и спальные. В тайге ведь ночевать. Все аккуратно разложено на два мешка и перекинуто через хребет Шелковой... Шаг у Шелковой хороший, легкий. Никите ладно было бы на ней ехать. А его Пегашка крестит малость. Другт старый.

Вчера Макар приехал на станцию поздно вечером. И сна, растянувшись на лавке... Первый поезд приходит в пять утра. Но на платформу вывалилась только две бабы, с трудом волоча огромную корзину... И, глядя на них, Макар вдруг понял, что Никита не придет и со вторым.

Пегашка шла медленнее, и Шелковая то и дело равнялась с ней. Кто-то окликнул Макара. Макар потянул поводья, обернулся. К нему бежал Степан, маленький, худой мужик, вечно шаптующий по деревьям в поисках, кому бы покрыть тесной крышу. Помогал он перекирывать крышу и Макару, да только ничего путного из этого не вышло. Крышу потом Макар сам доделывал.

Сейчас Степан бросился к нему, как к старому приятелю. Его светлые глаза слезятся от сильного ветра.

— Чего-то тебе на станцию соскочило? — Человек должен был один приехать. И не приехал.

— Да так, — неторопливо ответил Макар. — Человек должен был один приехать. И не приехал.

— Да ты славь, славь с кобылам. В избу пойдём — удралшва Степан, придерживая лошадя, словно все зависело от нее.

Макар сильно продрог с утра. Ему хотелось поесть, но лень было слезать с лошади, пахнеть в избу, слушать болтовню мужика.

— Близкий, Степан.

Дорога сквозь дерево была длинная, узкая, стиснутая с обеих сторон избами.

Девочка-подросток стояла у дороги, закутанная в плащот. Очень внимательно смотрела на Макара, как будто боялась что-то упустить...

Наконец деревня кончилась. Начались поля, покрытые желтоватой скудной травой. Уже начал дождь хлестать, холодыше. И казалось, вот-вот повалит снег. Тайга уйдет в зимнюю спячку. Как вдруг расколосло темное, низкое небо. Полями голубые островки. На другой день небо стало чистым и солнце подождало деревья. Дни установились ясные, и если выпадала безветренная, то солнце еще было свое. Но земля уже не могла согреться. А сегодня с утра пошла холодный ветер. Макар чувствовал, как он гулял у него по спине. Но земля хорошо подсохла сверху. И лошадям было легко ступить по ней.

Навстречу медленно шла женщина, чуть согбавсь под тяжестью коромысла. Поам ее пальто откинуто ветром по обе стороны. Ведря заткнуто белоснежной марлей. Пахнула моолоком. Женщина сказала ласково и неторопко: «Здравствуйте! — мелчком вглянула на Макара. Макар предствался, как поднимется она по скрипящему крыльцу, толкнет дверь. В сенки поставит ведря. Скинет сапоги. И в одних чуаках войдет в просторную, чистую избу. Потом подойдет к печке, помянет ухахотом маленький чуток».

Он любил наблюдать за Татьяной, когда замерзши, уставши возвращалась из тайги. А она неторопливо, бесшумно двигалась по избе, собирая на стол. И теперь было странно и непонятно, что лежит уже Татьяна в земле. И что крест на могиле стал серым от дождей и снега, а он никак не соберется его подкрасить.

А тот дашский день словно отпечатался в его памяти. Пошла парни и девушки в лес. Сначала хороводом водили. Песни пели. Он даже помнил и сейчас эти песни.

Как у нас в торгу мяч кидали.

А что дорбо, а что дешено?

Проводил красных девушек.

Первая во сто рублей.

Вторая во тысячу.

А третьей цены нет!

Дешено во торгу добры молодцы.

По семи молодцов на ованский блин.

Восьмой на прищучу.

Десятый в проволонты.

Десятый с конем и с седлом

И с золотой уздой.

А потом стали гонять парня за девушками, невест разбирать. На полене трава невысокая. И будто снег не сошел с нее. Сон-трава распрела.

А за Татьяной никто из парней не побежал, а она, Сова-ава, огадывалась. И вдруг упала да так и осталась лежать.

Разбежалась все, кто от страха, а кто, чтобы первому рассказать: Татьяна померла. Макар один нес ее на руках. Несколько раз останавливались. Отдыхал. Прислушивался: дышит ли?

Татьяна очуналась на земле. Засмеялась жалобно: — Чего-то я! — Повела беспомощно рукой. Зацепила сон-траву. Сорвала ее. Приложив к щеке.

— Аскавья...— Ануна. Но не пометели белые зонтники...— Крепкий. Зацвел недавно.

— Это ты слабей...— Макар подила ее. А она отбивалась.

— Сама поиду.

Но он отпустил ее только в деревню. Никого нет в избеж. Все на улицу выслапали: думали, Татьяну мертвую принесет. А она сама идет, смущенно улыбається. И тогда попод слух, что Татьяна приворожила Макара. Что нарочно на землю залюшувалась. И ждала, чтоб все разбежались, выбрав залом Макара. Вот он и подождал ее на руках. Пока до деревни донес, околдовала его. А за точем бы он женился на ней? Зачем взяла такую хворую и неприметную?

Макар и сам не знал, почему женился. И жила они, сторонясь друг друга.

А тут приехала к ним в деревню баба. Осень стояла холодная, дождалише. Ходила она без платка, в длинной кожаной куртке, обутая в высокие сапоги. Шаг у нее был торопливый, с наклонном вперед, будто собиралась

*

Ты чувствуешь весну? Я чувствую
весну
Не по тому, как день зовёт по сну,
Не по тому, как греет свет дневной,
Не по тому, как гулок час ночной,
Ты чувствуешь весну? Я чувствую
весну
По сердцу своему, что слышит
тышину
Открышейся земля. При чём же
земля?
На улице и исходу февраля
Я жду тебя. Кругом белым-бело
И извст-по-особому светло,
И в той светлинки а душой твоей,
Ты чувствуешь весну? Я чувствую
весну.

*

Вот сердца кусок. Ещё один,
А сколько осталось ещё!
Всего себя — до последних строк —
Я любил отнюдь.
Любовь и отнесу не отдаю
От любви и тебе.
К тебе и к поэзии. Это одно —
Ты и мой стихок.
Я переводчик — сердце своё
Перевожу на стихи,
Чтобы излить любовь свою,
Я о тебе пою.

*

Твоими глазами смотрю
я на горную цепь,
Твоими глазами я вижу
пространную степь,
Твоими глазами морской
наблюдало прибой
И день провожаю, в конце
недовольный собой,
И с новой расцветшей надеждой
встречаю зарю.
Твоими глазами вселенную,
благодаря
А там, во вселенной, песенку
и лепесток цветка...
Глазами твоими, как будто бы
издалека,
Я вижу, ликуя, раздумывая,
скорбя,
Твоими глазами по-новому
вижу себя.

*

Ты опять не пишешь мне оттуда,
Где твой легкий затерялся след,
Но в душе остался отблеск чуда,
Как зарницы мимолетный свет.

Ты опять пропала, Эридика,
Пренебрегшая моей любовью,
По-другому пахнет мне газоника
После расставания с тобой.

То ли ласточка летит, сверкая,
То ли реактивный самолёт,
Но все небо без конца и края
В это утро шумное поет.

*

Не будет осени в этом году —
Я тебе обещаю это.
В какую пору к тебе ни приду,
Будет начало лета.

Куда по лестнице ни взбегу,
Взбегу тобою возвышен.
Черезушка будет в снежном снегу
Снег будет цветом вишен.

Пойду по следу — тебе найду,
А след мой идет по маю.
Не будет осени в этом году —
Так я сейчас понимаю.

*

Прошел я полный курс разлуки.
Вся горечь выпита до дна.
Всего нужней мне эти руки
И ты, и только ты одна.
Не отпикается пространство,
Безмолвствует пустыня дна.
Кричу — почти без слов —

пристрасти

Ты ждешь! Еще ты ждешь жемал!

*

На моей палитре море.
Море! Все его тона.
В гусле его просторе
Радага заключена.

От минора до мажора
И от мгла до близимы —
Море! Перелыма хора,
Очень асвенные сим.

Море! Очень сонной яви
Сомкнутого голоса.
Хор о жизни, хор о славе,
Хор, встающий в небеса.

Море, что б оно ни пело,
И в полусон погружено,
Загнано, гнило, силело
О тебе поет оно.

*

Напряженность пространства,
различающего нас —
это томе ты.

Приморской природы неопределенность,
жизнь, меняющаяся каждый час —
это томе ты.

Почтальоны, вступающие на тропинку
и торпачище к чужому дою —
это томе ты.
Нежданная-негаданная лесная пошта,
сегодня помещающая сонные
по-другому —
это томе ты.

*

Нам надо пережить не пливность,
Не мелкое жите-бытие,
Тебе — мою многогрозность,
А мне — безмолвие твое.

Нам надо пережить в волнение —
Притом наперевор судьбе,
Мне — гордое твоё терпение,
Недесердечность твою — тебе.

*

Как словами, без слов
говоришь ты со мной!
И, не глядя, ты запросто
видишь меня,
Все равно мне так вшитен
своей новизной
Притатительный смысл
наступившего дня.

Продолжается сон, но уже
не во сне,
Вот с порога ступила
ты в душу мою.

На заре мне с тобою
понятной вдвойне
Эта наша земля, на которой стою.

*

Когда с такой решимостью железной
Я шел к тебе за тридевять земель,
Дорога не казалась бесполодой,
У путика была большая цель.
Я шел к тебе. Ни слова,
ни послослова —

О нашей перемемной судьбе,
Не приближаешь, дай мне вновь
и снова,
Как к горизонту, двигаться к тебе.

Рисунок Михаила ПАПКОВА

«Комитет комсомола настоячиво совершенствовать стиль и методы работы. Учитесь у партии подлинно научному подходу в решении задач, умению выбрать наиболее эффективные пути и средства, творчески использовать накопленный опыт.»

[Из «Постановления IX пленума ЦК ВЛКСМ «Об итогах декабрьского [1999 г.] Пленума ЦК КПСС и задачах комсомольских организаций»]

РАЗМЫШЛЕНИЕ НА СТОМЕТРОВКЕ...

Разговоры о НОТе в комсомоле стали за последние годы модными. Но НОТ не мода. Скорее это просто насущная необходимость сегодняшнего дня, комплекс проблем, требующих практического решения. Об этом, а также о том, из чего складываются элементы НОТа, хочется поразмыслить.

— Теукача Теукача, хочешь поразмыслить. — Говорил давно знакомый мне секретарь райкома, любящий жевать, как гуся, вечно трещащая кула-то.— Иногда круглые сутки жевать справкам. Днем собирает оперативную информацию, а ночью тишею справкам, портфель еле тащит. Однажды я в семь часов вечера домой завалился, жена глаза выкатила: «Почему так рано? Что случилось? С работы выгнали?» Она у меня, знаешь, такая удивившаяся. А я, понимаясь, портфель еле тащу. Бумажки к земле липнут. Нет, улыбаюсь, все в порядке, бумажки с собой, заседание продолжаю!

Она усноплилась!

— Времени не хватает. На помню, когда был в кино, в театре Газеты еще мелким проглядывало, швабры загоળивая, а до инче рукин не доходяй! Куда там к черту! За день надо очень много сделать. Что-то не сделаешь сегодня, завтра сделаешь. Из-за спешки что-то не успеешь сделать завтра, послезавтра вообще гон! Как на стометровке!

— На местах, в комсомольских организациях, бываешь, откровенно говоря, редко. Семь человек аппарата райкома на двадцать тысяч комсомольцев!

— Так, правда, с начала недели. Понедельник с утра, с девяти часов, я на заседании идеологической комиссии. До пол-одиннадцатого. В два часа бюро райкома, и до конца до вечера. Вторник: с 8.30 совещание секретарей партийных организаций в райком партии. Я, как первый секретарь райкома комсомола, должен присутствовать. До десяти часов. Среда: совещание аппарата райкома комсомола. Примерно час времени. Четверг: заседание комиссии по делам несовершеннолетних в райкомполке. А члены комиссии. С девяти до часа. С двух часов до шести, до семи вечера заседание бюро райкома партии. Пятница: бюро горкома комсомола. До двух до семи. Это, так сказать, железный график совещаний и заседаний. Из недели в неделю, из месяца в месяц. Но где-то два раза в месяц бюро райкома комсомола — один черепашка — час, который обязан в месяц ты должен созвать актив и провести учебу секретарей комсомольских организаций — минимум четыре часа. Кроме того, комсомольские собрания в организациях. Три-четыре часа в неделю. Дальше — слезы, прымоу,

конференции горкома комсомола, объемы комсомола, нашего собственного райкома, райкома партии — четыре-пять часов заседаний в ту же самую неделю...

Я устал записывать. Конечно, никакой новизны в этом монологе нет совершенно. Какая новизна! Откровенно говоря, моему приятелю вряд ли могу поавидовать тот, кто привык к спокойному течению жизни. У него почти не было личного времени, времени, принадлежащего только ему или семье, и никому больше. У него не было свободных вечеров — вечерами собрания, огоньки, фестивали, писание докладов, допустим, на тему о том же свободном времени или сценарие для тех же собраний, огоньков и фестивалей. У него не было выходных дней — в выходные дни соревнования на звание лучшего по профессии, открытие лагерей или, наоборот, их закрытие, субботники и воскресенья, и т. д., и т. д. Ум или опыт же писание докладов и предстоящих на следующей неделе выступлений. У моего приятеля не было того, что обычно бывает у людей. На него не распространялся даже закон о восьмичасовом рабочем дне...

Словом, геруд мой — фанатик своего дела и энтузиаст, если судить его даже по самому строгому счету — ну, например, по праву на увековечение в бронзе или мраморе, — можно сказать, титан, не фигурально, а буквально стоящий на работе.

И все же некоторые прозаические, будничные, трезвые размышления рождаются у удивительно моему приятелю.

Дела, пора-то жулеус мы, дела... Но, видимо, главное, как ориентироваться в мире! 175 комсомольских организаций в районе, первичных по отношению к райкому. И еще 727 организаций — на правах первичных и еще 412 комсомольских групп. За каждой из этих цифр десятки и сотни людей, их жизни, труд, вместе же — огромный концентрат силы. И работать надо, и в том числе писать отчетные справки необходимо — без современного девизорства ты позавнишь в энтерки, ну, конечно, совещания: для решения важных вопросов серьезное предварительное обсуждение естественно...

Все это сложившиеся организационные формы, и вопрос не в том, чтобы превращать ими, а в

том, чтобы при помощи их постоянно держать руку на пульсе жизни.

Кому не известны слова В. И. Ленина о том, что надо уметь являть в каждый момент ту особую звено в цепи, за которое надо всеми силами хвататься, чтобы удерживать асо цепь и подогнуть прочно переход к следующему звену.

Умел ли мой приятель каждый раз находить это особое, главное звено?

РАЗМЫШЛЕНИЕ У ПАМЯТНИКА

Отшумела только что, отстремла по всей стране отечественная пора.

К руководству первичными комсомольскими

ДИЛО

организациями, в комитеты комсомола крупных предприятий, в райкомы и горкомы пришли сейчас новые люди. Новое дело, и, естественно, и них горит огонь энтузиазма, жажда дела. Но насколько ли они наивными организаторской работы? Комсомольская работа — горение идей, острый накал — с модной ноей кибернетической точки зрения, трау управленческий.

И с этой точки зрения его нужно рассматривать обязательно. В каких организационных формах, наиболее экономичных, гибких, мобильных, проявляется то же горение, энтузиазм молодежи!

«Организовать» какое-либо мероприятие несложно. Словенно «организовать» и «управлять» повседневной, а потому и более незаметной работой на местах в первичных комсомольских организациях.

Трудная работа управленческого труда: сбор информации, анализ ее и обобщение, разделение функций и распределение уже произведенной командно-управляющей информации, контроль за исполнением и так далее.

И здесь приятель моего приятеля должен точно знать, хорошо ли действуют информационные каналы, связывающие различные подсистемы (комитеты, райком) комсомола друг с другом, не засорены ли они! Всегда ли достаточно обдумана и жизненно необходима та командно-управляющая информация, что направляется для исполнения в низовые комсомольские организации. И всегда ли достаточно объективна и оперативна информация, поступающая от них уже наверх по каналам обратной связи о ходе выполнения переданных раньше команд и состоянии дел!

Два месяца, непрерывно циркулирующих потоки информации действуют и взаимодополняют постоянно! С одной стороны, всякого рода постановления, решения, директивные указания, письменные и устные, сообщения о положительном опыте работы, разгортывающие или трибуные разносы какой-нибудь организации, так сказать, информация о том, как не надо работать. С другой стороны, потоки информации о выполнении или неисполнении принятых решений, повороте отчетной информации, сообщения о каких-то формах работы, придуманных и внедренных в той или иной изюбок организации.

Что происходит с ними знакомым? Тотом

информации не всегда были замкнуты друг на друга. Система порой сильно искривля. А искрив она — тратится даром огромное количество энергии в том случае, если информация используется только для справок, а не совсем не используется, являясь явно избыточной.

— Алло, алло! — надрылся у телефона мой приятель, собирая информацию.

А проводил ли он, геруд мой, когда-нибудь анализ пользы информации, которую он за эти три-четыре дня? На предмет того бы упреждения и сокращения документооборота, устранения несправданного дуближа. Нет. Ему некогда было эти дела заниматься.

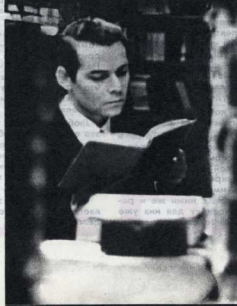
Предположим, обком комсомола принимает за год 100—120 постановлений по самым разным вопросам. Одно постановление примерно в тридцать дней не реально ли исполнить его за эти три-четыре дня? К чему приводит такая избыточность командно-управляющей информации?

РЫЦАРЬ КР

Твоя профессия

Елена МУШКИНА,
Мирслав МИХАЙЛОВ
(фото)

Московский цирюльник

— Вот вы говорите—долго ждать. Не спору, долго! Так ведь это же парикмахерская. Силой! Сюда нельзя забегать на минутку, между делом, в обеденный перерыв. Здесь надо сидеть, не сколько можете, а сколько надо. Точнее? Не знаю... Возможно, час, а возможно, и все три. Регламента, к счастью, нет. Еще не установили.

Впрочем, накрутить волосы на бигуди, надложить лажимы, начесать— тут, особото умения не требуется. А вы встаете из кресла и — попросите жалобную книгу. Прическа-то хоть и модная и выложена безукоризненно, а себя не узнаете. Нет, все не то! Не то, что вам надо.

А что надо? Не можете сказать? Вот и я сразу не могу. А узнать надо — плече будет работать впустую. На это и идет время. Три часа! Три часа на то, чтобы женщина оставила здесь, в кресле, свои заботы, сбросила первое напряжение, чтобы ушла молодая, счастливая, вы считаете, три часа за это — высокая плата?! Завести себя в парикмахерскую?

— Он сегодня устал от обилия посетитель, от волнений — люди приходят очень разные, часто озабоченные, легкоранимые. Давно пора по домам, но он не спешит, доказывает, что нельзя всех стучать под одну гребенку, что работа современного парикмахера гораздо сложнее, чем это выглядит со стороны. Он говорит, удивляясь, что приходится объяснять прогнозные истины.

Так я познакомилась с Василием Колпаковым, дамским мастером.

День легкий

Постоянный клиент

Парикмахер, склонившийся над креслом с расческой и ножницами в руках, не просто работает. Он творит! Можно быть хорошим музыкантом, а можно — виртуозом. Можно удачно сыграть на сцене свою роль, а можно провести ее в блеском. Можно сделать чудную прическу, а можно сотворить чудо. Из салона на Кузнецком мосту отъезжаются рано — в 7.30. И тогда же появляются первые клиентки, чуть заспанные, но бодрые, улыбаю-

щиеся. Хорошо, когда человек начинает свой день с парикмахерской! Он любит работать в первую очередь. Сделавшь прическу и ашь — целый день женщина будет красивой. А то обидно: вечером стареешь, подбираешь прядку и прядку, волосок к волоску... Тщешно! И хотя ночью женщина мучается, подкладывает под шею валик, продолжает на утро воздушный замок обычно не удается.

Утром зеркала сверкают привиденью и ласково — ни одной пылинки. Он быстро надевает синий халатик — наконечник началось гонение на белые, которые так напоминали болонки! — достает из шкафа бигуди, скобчики, крыло для мытья головы, резинные перчатки, ножницы, чистые полотенца — чем не ли-

руры! Потом на свет вылезает большая щипс с бесчисленными пухлячками, коробочками, балочками, скляночками — сложное хозяйство алхимика! Небрежным движением он рассекает ножницами воздух, миходем раскручивает кресло — три-четыре кроки и зуборезачего шпифата. Можно начинать!

От двери через зал стремительно проходит женщина.

— Я не опоздала?

Легко набралась на цитрон, усе- лась поудобнее.

— Знаете, я тут заходила на прошлой неделе, а вас нет. «Боялся», — говорит — но у нас много других мастеров не хуже его. Нет уж, от- вечаю, буду ждать своего. И ждала. Видите, какой на голове поэтический беспорядок!

Василий слушает, молча кивает головой. Приятно, конечно! Эта женщина — его постоянный клиент. Такие верны своему мастеру до седых волос (потом у него же и красит их), идут к нему через весь город, ждут возвращения из отпуска.

С постоянным клиентом работать легко. Все уже известно — алгоритм и температурный режимчик и вкус. Это тот редкий случай, когда не надо блуждать в потемках, экспериментировать, продавать что-то, и тут не отворачивать, и продавать что-то... Здесь уже непробаваны все варианты, раа и навсегда, с общего согласия, выбрана одна модель — самая лучшая, самая подходящая.

Значит, понравилась? Как всегда — каштановый с рыжиной?

Красит Василий любит больше всего. Смешивая различные составы, он чувствует себя волшебником, испытывает спортивный азарт. Он берет со стола баночки — одну, другую: перекись водорода, щелочь, жидкое мыло... Что-то добавляет, что-то отливает. Башмаканий спирт, кислоты — лимонная, уксусная, тонизирующие краски... Все на глаза, но все с филигранной точностью.

Обыщаться — и видит женщина с зелеными волосами. Он издает резинные перчатки, поднимает руки, словно призывает оркестрантов к вниманию, к тишине. В одной руке гребешок, в другой — ватный тампон. На каком-то мгновенье, готовясь к старту, он замирает, собирается с духом, мелком взглядывает в зеркало...

— Прону не перевалится! Теперь надо следить, чтобы краска не стекла и не брызнула на платье, чтобы добралась до каждого волоска, до каждого корня. Но для настоящего мастера это не трудно.

Вызвать же такие удачные, такие легкие дни! Знакомые все лица! Знакомые характеры. Знакомые волосы.

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста! Ну, как диссертация?

Парикмахер издавна славился умением заставить посетителя разговаривать: считалось, что клиентам невозможно сидеть в кресле молча, что мирная беседа помогает установить с ним контакт, настроить человека на спокойное добровольное темный дай. Если это твой постоянный клиент, уготить ему, найти с ним общий язык совсем не трудно.

Меняется в кресле люди, меняются и вопросы.

— Как прошла репетиция?

— Отправлялаи день рождения.

— В что же вы были одеты?

Кресло — оно неподвижно. Визуально через пять минут здесь все становится известно — свадьба, развод, переход на другую работу...

И течет беседа неторопливо, спокойно, под мерное позвякивание

ножниц. А руки мастера работают. Они вытаскивают вперед, покрут на д волосики, они какими-то неуловимыми движениями отдают правду от пряди, и уследить за этими движениями невозможно. Они возводят фундамент здания, играют с кирочку, волосок к волоску, поднимают его стемы, работают по индивидуальной проекту. Ломяя установились законы, они используют прогрессивные методы, укладывают волосы с помощью электрофена; лучшие парикмахеры Франции, Венгрии давно уже делают именно так... доколот подхватывают волосы, воздушными... Но надо быть очень внимательным, иначе все погибнет, здание рухнет...

— Женщина в кресле спойонит? Много лет она знает своего мастера, доверяет его вкусу, его рукам, поэтому позволяет сколько угодно экспериментировать над своей прической. Полное взаимопонимание. Полное доверие.

И по-прежнему течет беседа. Мастер узнает о заседании ученого совета института, о новой пьесе, приватной вечерней попойке, о гари- нитре польской кухни, на который можно сейчас записаться. И даже о том, что у дочки Мары Петровны, уехавшей в полярном году в Челябинград, родился мальчик, совсем мальчик и девочка. А с близняцки, знаете, сколько забот...

Он вытаскивает все это в себя, словно губка, он не только слушает, но и отвечает — должен поддерживать разговор, иметь свое мнение и о пьесе, и о гариитуре, и даже о воспитании близнецов... Ему приходится быть эрудитом, энциклопедией, на хочет, чтобы ее мастер — конечно же, самый лучший! — не только хорошо делал прическу, но был бы интересным человеком, приятным, образованным. И та каждая женщина бы именно его и увидела чуть больше внимания, чтобы на ее прическу бросил все силы, все умения.

— Васенька, пожалуйста, мне сегодня лучше, чем обычно, меня день рождения. (У другой — прием, третья идет на свадьбу подруги. Интересно, хоть раа в жизни кто-нибудь сваяла! «Мне сегодня лучше, но похуже. Особенно не старайтесь!»)

Он мог бы сказать, что работает всегда одинаково. Но он тонкий психолог, понимает: нельзя разочаровывать.

— День рождения? Поздравляю! Конечно же, я постараюсь.

Он работает, как обычно, но женщина уже другая, просьба исполнена. И уходит довольная: как всегда, ее мастер — на высоте!

День обычный

Уравление

с пятью неизвестными

Нет, все-таки хорошо, что такие легкие дни бывают сравнительно редко! Гораздо больше дней отчаяния, тупицы в себе загадки, порой трудные.

В зеркале Василий видит, как бригадир разводит женщину по залу. Кто же сидит в его кресле? Только бы не с длинными волосами — сколько с ними возни! Годы три назад в салон пришла девушка... Огромный черный пучок. Василий вспоминает, как исподволь, незаметно, женские прически вообще смотрятся хуже. Потом, когда девушка пришла снова, он уверял, что знает, что к нему брови на какой-то момент терпеливо ждала, не шла к другим.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С "ТОГО СВЕТА"

«Скорая», скорее!

Пор института Склифосовского, как всегда, заставлен автобусными с красными крестами. Приемное отделение располагается в левом крыле главного корпуса, стены которого помнят баварцев, яхтсменовских гвардейцев и тысячи раненых русских солдат за десятилетия войны с 1792 года. Прямо — двери приемного покоя, от которых νοсильки с больными везут еще 20 метров до отделения реанимации.

Бригада реаниматоров — четыре врача и три фельдшера — дежурит круглосуточно, но всех в отделении увидишь редко. Они по очереди проводят наряды в операционном корпусе. В приемной комнате только необходимое: умывальник у входа, у стены стоит стерильная качалка и наркозный аппарат, напротив два стола, на одном из которых раскрытый фолдинг — журналы поступлений. Большой редко находится в отделении больше суток. После реанимационного, «пожарного» комплекса, исключая сгоревшего при последующем лечении, он переводится в соответствующее травматическое отделение.

История болезни, начата реаниматорами, с часто встречающимися вопросительными знаками в графе «фамилия, имя, отчество» уходит вместе с больным. Остается лишь скудная запись в журнале — результат выпраженной, ответственной работы врачей.

Вечаслава Пиганов склонился над журналом, записывает историю последнего больного. Только теперь это можно сделать. Сначала, в ту секунду, когда больной поступает, времени на кавалерийскую нет. Врач Богомолов дышит сигаретой за столиком с телефоном.

11 часов вечера. Дождь забарабанил по покоевнику. «Сейчас пойдут автотравмы», — говорит Богомолов, закрывая окно.

И действительно. Вбегает сестра из «Скорой помощи».

— Ребята, готовьтесь. Авария на Русавской. И за кислородом.

— Кто выехал?

— Шокова. Саша Дорфман.

Я тоже вскакиваю в машину. Кислородные аппараты подпрыгивают на носилках рядом.

Досыпавшая после дождя мостовая отражает фары мчащейся машины.

...Дорфмана я часто видел в реанимационном отделении. По распределению института он работает в «Скорой помощи», но большую часть времени проводит в реаниматорской, работая на подставке. Он давно решил посвятить себя специальности реаниматора. Это завялая мечта многих из его коллег по «Скорой», но отбарабакается сюда только лучшие, заранее подготовленные люди. Скучный курс реаниматологии, читаемый в вузе, недостаточен для работы. Многогранность практики требует от реаниматора универсальности знаний и навыков. Фельдшер Александр Хромов после окончания мединститута заведовал в сельской местности амбулаторией, обслуживавшей пять деревень. Хромов приходилось практиковать тогда повсюду в реанимационном диапазоне. Добротная практика и ответственность врачебной должности позволили молодому медику зайти через три года за организмом здравпунктов в Клязьминском навионике, которые являлись сочетанием амбулатории со «Скорой помощью». Сейчас Александр — студент четвертого курса 1-го медицинского института. Но его изрядный багаж реанимационных навыков позволяет врачам уверенно опираться на опытного сотрудника. Работа здесь не терпит случайных людей, потому что коллектив привыкает в суровых буднях...

Машина, завывая сиреной, пронеслась по Комсомольской площади. Сестра рассказывает обстоятельства аварии. «Волга», шедшая с большой скоростью, не вынесла в поворот под же-

лезнодорожным мостом и врезалась в торцевой барьер, отдающийся тротуар от проезжей части улицы. Трехдюймовая труба поручня прошла правую фару, капот и бедро пассажира на переднем сиденье. Противу сиденье, приговоздив заднего пассажира к багажнику. Бодилтель отделался испугом.

Выскочив из-под моста, мы сразу попали в атмосферу лихорадочной деятельности, потереженная минута в которой — смерть человека. Две «Скорые», пожарная машина, техпомощь, милицейский «газик», такси держали в перекрестке фар искореженный корпус «Волги», выстроившись зырянным полукругом. Это место, безлюдное 20 минут назад, превратилось в истопленное поле боя со смертью.

Пораженные трубной парни, бледные от потери крови, приходили в себя лишь после введения очередной порции обезболивающих и противомононых растворов. Дорфман, быстро рассчитавший дозу, закапчивает первую серию инъекций. Моя спутница наготове — маски кислородных аппаратов подаются к больным. Но, изменив положение трубки, дальнейшую помощь оказывать невозможно.

Десятки услужливых рук подхватывают шланг автогена. Сварщик с «техпомощью» направляет огневую струю газа на трубу за сиденьем. Врезанные робот пожарных оттянули белье халата. В то время, как 1400 градусов раскалилось отрезок, пожарный, неверно увернувшись, дует воду на шипящий металл для охлаждения. Когда разлетаются клочья дыма тлеющего сиденья, я вижу, как сестра, прижав голову раненого к груди, что-то успокаивающе говорит ему.

Фельдшера готовят стерильный стол. Дождь перестает моросить. Темное существо поезда, проглотившее над головами, приглушает размогосуду. Я слышу, как седой мужчина в тапочках на босу ногу, настойчиво повторяет Дорфману: «И живу напротив. Давайте сразу их но мне...» Тот не успевает ответить. Труба перерезана.

А в шиковой машине готовится к транспортировке: подготавливают ремни крепления, готовят препараты. Доставка такого большого в реаниматорскую зачастую решает исход дела.

Труба, рванная второго пострадавшего, исключает автогенную реку. Сварщик, как сапер, колдуящий над мной, осторожно начинает пилить ножовкой. Если повреждены артерии, кровотечение, возникшее от деформации трубки в ране, может привести к мгновенной смерти.

— Будете оперировать здесь? — спрашиваю Дорфмана.

— Нет. Поедет с трубой. Не уверен, что не заедет артерии.

Предугадывая смерть пробирает до костей. Дорфман повалился то там, то здесь. Подхватывает носилки, тербит фельдшеров, делающих инъекции, отмахивается от любопытных. Он работает наравне со всеми, но в этой кажущейся суматохе чувствуется ритм, руководимый его волей. Ему даже жарко. А впереди еще часы дежурства со всевозможными вызовами и неизвестными сортирными.

Я уезжаю с перьями большим. Второго доставить сразу на операционный стол, помощь реаниматоров ему не требуется.

Исчерпан...

Что будет?

Счет идет на секунды.

Свела все что мог?

Посилили с неподвижным телом вводят в реаниматорскую, где уже ждет Богомол. Наука неразрывна с практикой. На ежедневных утренних конференциях работа дежурной бригады анализируется. Каждый врач работает над индивидуальной темой. За два года работы реанимационного отделения в коллективе, научной работой которого руководит профессор Е. Г. Жданов, защищено пять и апробировано четыре диссертации. Десятки статей в год публикуют реаниматоры в журналах и сборниках.

«Пожарный» комплекс в действии. Реаниматоры. Сейчас эти комбинации охраняют и замещают жизненные функции организма.

Кровотечение вызывает худшие опасения — ушиб ствола головного мозга. Консультация

с нейрохирургом подтверждает это. Легкие большого судорожно перерываются так необходимый ему сейчас кислород. Но жизнь, не регулярная организму, угасает. Остановка дыхания...

На помощь приходят респираторы, машины искусственного дыхания, точно дозирующие частоту, объем дыхания и содержание кислорода. Дыхание налаживается. Потомок воздушных мехов неустойно подает воздух. В наивысшей тишине только его поршни жужжат по-шмельному, захватывая сухие альвеолы.

Богомол хватается руку большого — нет пульса. Встретились глазами с Пылановым. Тот кивает — пульс определяется только на сонных артериях. Нострагмико подвигается внутривенное кровоснабжение. Вот оно! Его молниенос-

ное следствие — останавливается сердце. Смерть. В течение девятнадцати веков этот приторгов обжалованная медицина не поддавалась, врач бессилен, помогаю разводил руками. Сашенички говорили о душе, которая только что вылетела из тела. Человек безвозвратно уходил на «тот свет»...

В двадцатом веке смерть для реаниматоров бессмысленна без определения. Качественная смерть: 8 минут отделяют большого от биологической смерти, момента отмирания клеток мозга головного мозга, процесса, который необратим. Сегодня в этот момент вмешивается люди, вооруженные совершенством знания.

На «тот свет», в реанимационном зале, сложность реаниматоров безукоризненна. Шприц адrenalина с хлористым кальцием в мертвое сердце. Богомол сразу начинает массаж — сильными, ритмичными движениями растирает левую сторону груди. Его рука приняла функцию остановившегося сердца, она восстанавливает кровообращение, которое обеспечивает питание клеток корм. И не чувствуя движения времени, сейчас для всех в реанимационной амерской пинетки электрокардиографа — как остановившаяся стрелка часов. Вот он неуверенно надвигается — значит, мышцы сердца начали слабо сокращаться. Разреш тона в 6000 вольт сокращает сердце. Кардиограмма выравнивается: сердце входит в нормальный режим. Но кровоснабжение в мозгу еще держит организм в опасности, оно сваливает жидкостью вазомоторные центры. Необходима трепанация черепа для удаления кровоснабжения.

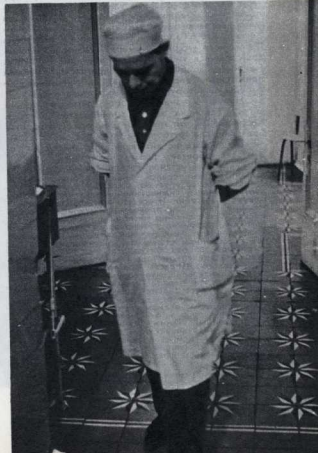
Напряжения в реаниматорской спадает. Больного увозят с «того света» в операционный корпус. На проведение наркоза идет Богомол.

Реаниматор у операционного стола напоминает наводчика у орудия в бою. Он сочетает в себе анестезиолога и реаниматор. Его задача — проводить наркоз, но он всемерно следит за общим состоянием больного, изменения в котором в любой момент могут превратить «хорошего больного» в пациента для реанимации.

Увидев работу в реанимационной, доверенную почти до автоматизма, я был склонен считать врачей бездушными роботами. Но как возможность мало волнует высота и захватывающие виды сверху, так реаниматор в меру черство со много раз виденной смертью.

Англичане считают нормальным 60 процентов смертельных исходов реанимационных больных. Смертность в реанимационной практике Института Склифосовского 20,2 процента — ниже, чем в любой клинике мира.

Гонят старинные фоны на крыльце главного корпуса. Означенная возня со слабой нестерильного белья во дворе начинает рабочее утро. Большой, побывавший на «тот свет», открывает глаза.

считаться с «советами» и «помеланиями» этих дельца тренер сборной не может.

Фанатически хозяин сборной был, а именно, не Мореира, а некий Пауло Машадо де Карвалью, назначенный Бразильской конфедерацией спорта в 1967 году на пост «шефа» команды. Сенатор Пауло — крупный делец, бириньян, владеет телевизионной компанией, театры, фабрики, владеет крупными строительными фирмами. Он разбирается в футболе слабее любого мальчишки, торгующего спортивными вымпалами у входов на «Маракану», однако ему принадлежала решающая слово во всех случаях деятельности сборной команды.

Большие усилия приложил этот господин, стремясь повысить для сборной уровень, который, выплата солидных кувш в массу Бразильской конфедерации спорта, получила бы монопольное право использовать в качестве коммерческой рекламы эмблему сборной, имена ее участников и тренеров. Накануне лондонского чемпионата борьба за право «патронирования» шла между британской фирмой «Иллит» и спичечными «королями» из компании «Фаталуус». А теперь в нее включились делецы из контролируемой зарубежным капиталом фирмы заготовщиков «Финикс» и швейной компании «Дуалис». Победителя ждут бразильские барыши.

Сборная эксплуатировалась картами для целей, весьма далеких от спорта: во время турне 1968 года команда, сыграв несколько матчей в Европе, была вынуждена, прежде чем отправиться в Манауску, сделать громадный круг, совершив утомительнейшее 12-часовое путешествие на самолете в одну из африканских колоний Португалии, где встретился со сборной этой страны, тоже прилетевшей из Лисабона. Зачем? Не проще ли было сыграть матч в Лисабоне? Нет, лебезящие перед диктаторским режимом Салазара (тогда еще находившиеся у власти) португальские коргопы решили личиной раз подчеркнуть «связность» приязни Португалии на африканские территории.

Следует, однако, признать, что в 1969 году по-

ложение заметно изменилось. От руководства сборной были отстранены Мореира и де Карвалью. Тренером команды был назначен известный журналист Жозе Салданья, являющийся одним из крупнейших знатоков футбола. С его приходом надежды бразильцев на успешное выступление в Мехико заметно выросли.

Обсуждены ли эти надежды? Или же дурные предчувствия мира ждет в Мехико новое разочарование? Ответ на этот вопрос, разумеется, могут дать только сами матчи на стадионе «Халиско» в Гвадалахаре. Январская жеребьевка обещает бразильской сборной самые трудные испытания: ведь вместе с ней в третьей группе оказались чемпионы мира — англичане и серебряный призер чилийского первенства команда Чехословакии. Каждый из этих коллективов — вероятный претендент на выход в финал.

Попробуем проанализировать творческий багаж Бразильской сборной, ее традиции, тактику.

Считается, что главным оружием бразильцев на шведском чемпионате мира была изобретенная ими тактическая схема 4—2—4. Не оспаривая этого, бразильцы утверждают, что и «дочерняя» формула 4—3—3 тоже была создана ими — там же, в Швеции.

Первый аналд бразильцев в тактический багаж мирового футбола был сделан в начале сороковых годов. В разгар безраздельного господства системы «дубль-ве» известный тренер Флавио Коста предложил модификацию этой схемы, названную впоследствии «диагональ». Суть ее заключалась в том, что, сохраняя свойственное «дубль-ве» разделение функций игроков (три защитника, два полузащитника и пять нападающих), «диагональ» изменила слегка их позиции на поле и, следовательно, уточнила игровые обязанности. Каждая пара полузащитников — полусредний слегка сдвигалась вперед по диагонали. Вторая же пара оказывалась там образцом слегка сдвинутой назад. Выдвину-

тый вперед полусредний нападающий усиливал давление на ближние подступы к штрафной площадке. Он таранил оборону в зоне между правым и центральным защитниками, которые были оттягиваемы отсюда игроком. В этом проявился прообраз будущей пары центральных нападающих в схеме 4—2—4.

«Диагональ» обеспечила бразильцам безраздельное господство на американском континенте во второй половине 30-х годов. Ее создатель, Флавио Коста за двадцать лет своей работы в «Баско-да-Тамар», «Фламинго», сборной страны завоевал около 50 титулов. Все, кроме одного, самого главного — в 1950 году руководимый им сборная проиграла финал первенства мира, после чего, как это всегда бывало в Бразилии, тренер был изгнан, а его идеи признаны анафемой.

Затем сиромый провинциальный тренер Франсиско Рибейро де Андраде, руководивший командой «Вила Нова» в штате Минас-Жерайс, предложил усовершенствованный вариант «диагонали», который впоследствии был принят всеми бразильскими командами и в 1958 году потряс футбольный мир своей простотой и genialностью. Франсиско Рибейро, логически завершая идею Флавио Косты, окончательно выдвинул в центр поле полусреднего, образовав пару центральных нападающих. Правый инсайд остался сзади, вместе с одним из полузащитников он контролировал центр поля. Второго же полузащитника отступил назад, став четвертым защитником. Так родилась система игры, выражаемая формулой 4—2—4, которая и помогла бразильцам в 1958 году поставить на колене признанных фаворитов чемпиюата мира.

В последние время Бразильские тренеры много говорят об универсализации команды, чтобы все игроки могли выполнять несколько различных функций, как это делает, например, Тоста, который с одинаковым успехом играет агрессивно-го центрального нападающего, отступного в глубину поля полузащитника и левого крайнего. Впрочем, пока что схема 4—3—3 остается господствующей в бразильском футболе. Основные творческие поиски ведутся главным образом в

Этот состав сборной Бразилии завоевал для своей страны право участвовать в финале первенства мира по футболу. Стоят (слева направо): Карлос Альберто, Жозе Феликс, Джамал Диез, Пиази, Рафал; сидят: Марко Алваро — капитан, Жаир, Жерсон, Тоста, Пезе, Эду.

ВНЕШНЯЯ СМЕНА

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА

Недavno мне довелось присутствовать на необычной премьере. Исключительной хотя бы потому, что это очень красиво зрелище не имело отношения к театральному празднеству. Но прежде чем называть автором, уточним место и время действия: Москва. Всесоюзный институт ассортимента изделий легкой промышленности (ВИАЛЕПРОМ); действие происходит в 1971 году.

Не спешите упрекать редакцию в опечатке — премьера, о которой пойдет речь, называется «Мода сегодня и завтра». И повествует она [на примере кoten интереснейших моделей одежды, обуви, шляпок и сумок], каким будет наш с вами костюм весной этого года и через год.

Вы возразите: на улицах то снежные сугробы, то первоапрельские лужицы. Даже метеорологи осторожничают, публикуя прогнозы на ближайшие недели. Не слышим ли смелое — прогнoзирoвать моду на два года вперед! Ведь она — «жизни честное зеркало» — возьмет да и опрoкнeт прогнозы и выкладки творцов.

А модельеры убеждены: ничего удивительного в таком долгосрочном «планировании» моды нет. Как известно, мода универсальна, поэтому весь свой жизненный опыт на то, чтобы изжить себя и подготовить себе смену. Поэтому необходимо «управлять» развитием моды, планировать ее направление на год два вперед.

Что же предлагает нам мода в этом году, чем «грозит» день грядущий?

Визу курс на молодость образа, мода не изменяет ему и сегодня: наша одежда во власти спортивности, и, утверждая художники, спортивный стиль как генеральное направление моды сохранит свои позиции до конца XX столетия.

Неужто униформа на 30 лет! И спортивным костюм, который сегодня носит двадцатилетняя студентка, послужит ей верой и правдой, когда она станет бабушкой!

Опасения эти напрасны. Спортивность — это, образно говоря, стратегия моды, обеспечивающая нас от «каченок», «девятибалльных штормов» и резких перемен. Ну, а тактика моды вносит элементы новизны в прошлые и грядущие сезоны нашего времени.

Развивая молодую тему моды [а молодость образа — это стиливая примета времени], художники стремятся разнообразить «классический гардероб» — комментирует спогоду в моде Вячеслав Зайцев, замести-

НОВИНИ ДОМОВ МОДЕЛЕЙ:

1. ХАБАРОВСКА,
2. КИШИНЕВА,
3. ОДЕССА,
4. ТАШКЕНТА,
5. РИГИ,
6. МОСКВЫ.

тель главного художественного руководителя Общественного Дома модели. Например, брошью ансамбля, состоящие из жакета и брюки с незначительным расширением от колена, прекрасно зарекомендовали себя не только в туристском походе, но и на городской улице, даже в студенческой аудитории.

Выполненные из гладких шерстяных материалов или клетчатой шотландки, они вполне заменяют весенний костюм для улицы.

Впрочем, мода-70 рекомендует брюки и с короткими приталенными штанишками. Очень стильно и элегантно строгие ансамбли пальто и брюки из материалов одного цвета и одной фактуры.

Уже сегодня «брошью ансамблем» выпускает промышленность республик Прибалтики. В 1970 году их будут выпускать и предприятия Российской Федерации. Ну, в тем, кто сам осуществляет новые идеи моды, рекомендуются еще один оригинальный костюм: выше прошлогоднего платье с юбкой «ямочка» в ансамбле с брюками из недорогой ткани. Если материала превратится в оригинальный туалет для вечера в домашней обстановке, в спортивном лагере, на летнем отдыхе.

Будет ли значительно удлиниться юбка — этот вопрос и сегодня остается в сфере дискуссий и экспериментов. Тем не менее модная длина, предлагаемая на 1970 год, варьируется от 2—3 см выше колена до 2—3 см ниже колена. Молодежь безоговорочно приняла юбку выше колена, которая, как правило, в пределах разумного — будет существовать в моде и через год. [Вряд ли надо наводнять рынок, как таблица упоминается, двумя моделями: «Знакомая» — это костюм, неслезное с возможными фигурами, роста, комплекции, возраста.]

И все же девушка-студентка теперь не главная героиня, она — героиня и завсегдатя мода. «Модным образом» 1970 года становится тридцатилетняя женщина. В отличие от «бальзаковской героини» наша героиня — современница, общительна, интеллектуальна, она много работает и путешествует, занимается лыжным спортом, летний отпуск проводит в туристском походе, в не на «клевые» ваннах. В ее костюме не найдут, видимо, применения «классика» — юбки, которую упорно рекламируют Дома моды Парижа и Лондона; попросту неудобно! Зато ее простой костюм из «суконя» шерстяной ткани с чуть удлинненной, пришивающей юбка юбкой, подчеркивающей носок, модным образом — женственность, модниканую простоту линий, спокойную уравновешенность композиции. [Справедливо утверждают когда моды: только и тридцатки или находки свой стиль, свой образ.]

«Позвросление» моды сказывается и в характере одежде. На весну этого года, например, рекомендуются приталенные четыре новых силуэта. Например, новый приталенный силуэт рожден на основе прилегающего и от модных силуэтов 1960-х годов. Он отличается плотным прилегающим лифом, четко оточенной линией талии. Главные линии юбки, иногда переходящей в клеши, состоят из гармонично подобранных элементов. Неизменным остается весенний «бабочкой» приталенному силуэту худощавых прочат долгую юбку! Надо отметить, что маленькие «шашки» одноконтурная юбка и женственность плавных, текучих линий продвигают возросшую популярность

платья. И в весне предоставляется широкий выбор фасона нового платья: снова очень популярны платье-пальто, их носят с тонким сафетом шарфом или блузой с воротником «жуковка».

Модны и платья классического подражательского силуэта и прямого — со свободной спинкой и прилегаем спереди. Наконец, сегодняшней и завтрашний день моды прирадит платья откровенно трапециевидной юбки, с юбкой нового кроя или мягких драпирующихся форм, в складку, клеши, колонок или с отлетными полочками.

Ну в четвертый модный силуэт! Его приметы — свободная мягкая форма лифа, суазиющая и запястью широкий рукав типа русской рубашки, чуть расширенная юбка. Тем, кто хочет быть «впереди моды», полезно знать, что этот силуэт рекомендуется только на ближний сезон в перспективе будущего года ам с ним уже не встретится. Корректировка идей — процесс неадекватный, диалектический: силуэт убрался уступил дорогу менее объемным, более экономичным по крою. И в этом и в будущем году новизна модных предложений подчеркивается деталями.

В пальто это — большие воротнички, нарядные и мыльные, отделка пушистым мехом лисы-охотки, крашеной лисы, рыси. С весенними пальто рекомендуются носить, алмазные и синтетические береты. Облегающие голову шляпы и длинные, широкие шарфы: их позымают поверх пальто, вокруг шеи.

Мода входит корытными и в традиционный костюм, без которого не обходится гардероб ни одной женщины. Весной 1970 года нам предлагается носить костюм приталенного силуэта с четко оточенной линией талии и расширенной юбкой. Впрочем, мода — за разнообразие: мы можем выбрать между коротким жакетом отпущенной спинкой и удлиненным двубортным (или односторонним) жакетом и широкой юбкой — в крупную бантовую складку.

Не менее обширна новая цветовая гамма: покажут, словно назвать цвет-фаворит, потому что ансамбли худощавым строят и на блочных тонах, подвигая «контрастнее» моды и завершаясь композицией и используя звонкую контрастность ярких, жизнерадостных красок. Одним словом, если для нового весеннего туалета вы избрали темную, розовый, бирюзовый, зеленоватый цвет недра, золотистый, охровый или желтый, отдайте свежесть этих тонов яркой, насыщенной синей, безмятежно-голубым цветом, — можете не сомневаться и в этом и в будущем сезоне вы будете в «верном» колорите.

А что нового в моде сильной половины человечества? Здесь сохраняется два силуэта — полуприлегающий и прямой.

И два стиля одежды — в ансамбле с юбкой или с брюками, добавляет главный художественный руководитель Ленинградского Дома модели Константин Кудряшов. — Элегантно-спортивный стиль, подражающий естественности делового традиционного костюма с куртками и свободными блузами, и стиль — спортивный, но в работе; популярность ярких жакетов, разнообразие рубашек, галстуков, разнообразных шарфов. Наконец, выразительность яркости цветовой гаммы, «блеск» и контрастность, «контрастность» расцветок сукно-серых тонов. Впрочем, главное в современной моде — умение шарфом использовать и модные аксессуары: шляпки, зонтики — остаются неизменными для любого времени года.

Рабочий момент съемки фильма «Посей в завтрашний день». (В роли Валдиса Пилаче Леша — П. Засуляк, Антрасов Константин Крюгер — Э. Попова.)

— Я прошу попробовать Бориса Анимова, — предостерегают постановщик «Спартак» Борис Липа.

С ним не согласны.

— Ничего не выйдет, — говорят. — Это актер лирического плана. Он не сможет создать отрицательный образ. Роль Крауса сложная, многоплановая. Да и сценического опыта у двадцатилетнего Крауса мало.

И все-таки Липа настаивал. Он лучше, чем кто-либо, знает возможности своего ученика. Ведь Борис Анимов был его выпускником Массовского академического хореографического училища. А теперь он один из самых перспективных молодых артистов театра. Он владеет очень высокой техникой танца. Богатырская лексика и природное актерское дарование позволяют ему брать большие роли хореографа. У всех сиево в павильнах, нам отлично нравится Борис с первой своей главной ролью в балете «Асель» и нам искусно исполнил он характерную партию Мануэля в спектакле «Фонет-Горбунов».

— Продолжать расти надо именно на трудных ролях, — убеждает Марис. — Пусть партия Крауса будет проверкой мастерства Анимова на зрелость.

Прошло несколько месяцев, и Марис Липа начал, в шутку, комично, утверждать, что «на свою шкуру» воспитал

УЧИТЕЛЬ НА ОДНОМ

Харди Крюгер: «Я всегда за героев добра»

С Харди Крюгером в познакомились на съемках фильма Михаила Гайдаи «Красная палатка». Известный западноевропейский актер Крюгер снялся почти в пятидесяти фильмах. «Голубые глаза», «Султан», «Обреченное лицо», «Белая ворона». Он совсем не был похож на голливудских красавчиков, подставивших улыбки. Харди Крюгер скорее напоминал героя Джека Лондона. Поэтому и не удивлялись, когда он признался, что с большим удовольствием играет людей сильных, волевых, добродетельных.

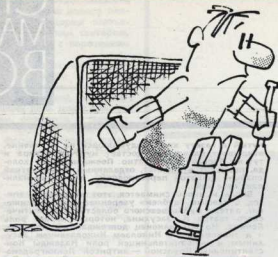
— Расскажите немного о себе, — просит у актера. Он долго не знает, с чего начать, потом неожиданно произносит:

— Я никогда не думал о карьере артиста...

— Это уже не оригинально, — думаю я про себя. Крюгер, точно угадав мои мысли, поясняет:

— С детства мне хотелось быть пилотом. Знать, как мальчишки летают, о профессиях танкиста, капитана, футболиста, ты и всегда думал, что стану летчиком. Мои кумиры был Эззио-Энрико. Но жизнь, к счастью, повернула меня в другую сторону. Попад в театр статистином, и «заболел» сценой. Почти десять лет мне не удавалось «всплыть» на поверхность. Приходилось входить в небольшие эпизоды, сниматься в проходных ролях. И только в 1936 году, уехав в Англию, я нашел себя. Сначала приходилось играть все, что предлагали: гангстеров, чужбых героев. Потом выявилась возможность выигрывать, оставаться себе самим собой.

В 1962 году французский режиссер Серж Вурбиан пригласил Крюгера на роль немецкого летчика в картину «Воскре-

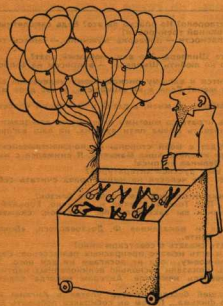
Рисунки Олега ТЕСЛЕРА

Рисунки Игоря ВОРОБЬЕВА

Рисунки Валерия СУДАРЕВА

Рисунки Ильи ЮГАНА

Рисунки Виталия ПЕСКОВА

Рисунки Андрея НЕКРАСОВА

МЕДВЕЖОНОК МОЙ

Кольбельная

Тонкий месяц бродит между крышам,
Фонари качают головой,
А к тебе явились сны неслышимые,
Сны, хороший медвежонок мой.

Где моря шумят волною синюю,
Где поют метели над тайгой,
Ждут тебя, красивого и сильного,
Сны, хороший медвежонок мой.

На тропинках горных, нескверных,
И в степи студенюю зимой
Ты везде найдешь друзей проверенных,
Сны, хороший медвежонок мой.

Ты сейчас уходишь след за сказками,
Лишь с зарей вернешься ты домой,
Я люблю тебя светло и ласково,
Сны, хороший медвежонок мой.

КРОССВОРД

Составила Т. ЛОМАКИНА,
г. Ростов-на-Дону

По горизонтали:

3. Композитор, автор песни «Матушка-Солубушка», 8. Горно в Узбекистане, 9. Вершина Уральского хребта, 10. Автор песни «Свадьба с приданым», 11. Собственно-русская подпись, 15. Пляска, 17. Хищная птица, обитающая в степях Африки, 20. Горы в Иркутской области, 21. Радиоактивный элемент, 22. Система приемов в исследовательской или педагогической работе, 23. Одежда из слоя снега после оттепели, 25. Композитор и дирижер, народный артист СССР, 27. Цветок, 29. Народная перестановка двух звуков в слове, 31. Героиня оперы И. А. Римского-Корсакова, 32. Самая первая звезда в скоплении Плеяд, 33. Спортсмен, беги на короткие дистанции, 34. Героиня романа И. С. Тургенева «Накануне».

По вертикали:

1. Советский летчик-космонавт, 2. Основоположник русской классической музыки, 4. Бег лошади, 5. Растение семейства злаков, 6. Пушиный зверек, 7. Государство в Африке, 12. Чешский композитор XIX века, 13. Цветок, 14. Круглый хлеб, 16. Стихотворная форма, 18. Птица, 19. Страна Нордланд, 20. Порт в Югославии, 24. Прозрачный материал, сияющий, 25. Часть автоматического устройства, передающая сигнал контрольно-измерительному прибору, 26. Набор столовой или чайной посуды, 28. Аргентинская писательница, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», 30. Советская футбольная команда, 31. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

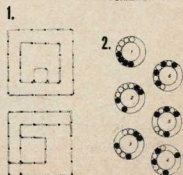
По горизонтали:

3. Приоритет, 7. Каштан, 9. «Корсак», 10. Колонок, 13. Колар, 15. Казарка, 17. Аксак, 18. «Лето», 19. Сова, 20. «Метель», 21. Амальгам, 23. Лавр, 24. Омар, 25. Пинот, 27. Игуан, 30. Тарту, 31. Лисичка, 33. Диплом, 34. Ирланд, 35. Харитонов.

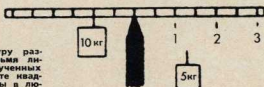
По вертикали:

1. «Ермак», 2. Ленок, 4. Россомаха, 5. Байрак, 6. Саданя, 8. Пота, 9. Норк, 11. «Дюкотега», 12. Марголита, 14. Реферат, 15. Коллибри, 16. Астахов, 17. Автобат, 22. Комбинат, 23. Дюшия, 25. Ратмир, 28. Грим, 29. Очки, 31. Лобан, 32. Аргон.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИИ «СМЕНЫ» № 4

2. На одном из трех делений следует повесить 5-килограммовую гиру, чтобы сохранить равновесие?

1.

Данную фигуру разделите четырьмя линиями, так чтобы в любой половине квадрата было по 12 кружочков, а по двум диагоналям — 8.

ПРОВОДЫ РУССКОЙ ЗИМЫ

Февраль — даже по календарю зима. Март — месяц весенний. Но бы-
вает, что и в нем так завьюжит, наметет таких сугробов, что ни пешему
ни конному дороги нет, и задуваются — не декабря, ли на дворе.

И все-таки февраль — март — это ноябрь зиме. Ночью морозно, но ден-
ю дня солнце все выше карабкается на небо. Дальше день, морочь ночь.
Все настояще, веселое капелью. Еще холодно, но и до тепла руки
подать.

У всех народов смена времен года отмечается праздником. У славян
издревле провожают Зиму-матушку и встречают Весну-красну на маслен-
цу. Видно, уж очень крепка у народа радость наступающих теплых
дней.

Только повернет солнце на весну — самое время проводов зимы. Вре-
мя натанки с гор, шушума снежных крепостей, веселых хороводов, горя-
чих блинов и пышущих самоваров.

Пришла широкая масленица.

На наших снимках: празднование проводов зимы в Ростове

Цена номера 20 коп. Индекс 70820

